

Игра с огнем

Автор:

Ханна Оренстейн

Игра с огнем

Ханна Оренстейн

Саше 22 года, она живет в Нью-Йорке, у нее вроде бы идеальный бойфренд и необычная работа – мечта, а не жизнь. Но как быть, если твой парень карьерист и во время секса тайком проверяет служебную почту? Что, если твоя работа – помогать другим найти любовь, но сама ты не чувствуешь себя счастливой? Дело в том, что Саша работает матчмейкером – подбирает пары для богатых, но одиноких. А где в современном мире проще всего подобрать пару? Конечно же, в интернете. Сутками она просиживает в Tinder, просматривая профили тех, кто вот-вот ее стараниями обретет личное счастье. Но однажды происходит невероятное – с фото на нее смотрит мужчина ее мечты. Познакомиться с ним? Это грозит увольнением. Остается решить, что же в жизни важнее – личная жизнь или карьера.

Ханна Оренстейн

Игра с огнем

Hannah Orenstein

Playing with matches

Copyright © 2018 by Hannah Orenstein

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Моей семье: Одри, Джеку и Джулии Оренстейн

Глава 1

Я по пальцам одной руки могу пересчитать тех, кому рассказала о мучительной тайне моей семьи. Во-первых, парню. Лучшей подруге. Девочке, которой я доверилась в выпускном классе, а она раззвонила всем одноклассникам. А теперь и новой начальнице, Пенелопе Уинслоу, основателю и гендирю «Блаженства». Пришлось признаться, чтобы меня взяли; я знала, что только так эта работа точно будет моей. В любом другом месте я превращалась из-за этого секрета в изгоя, но в «Блаженстве» получила благодаря ему работу. Пенелопа говорит, я так и звездой стану.

Я совершенно не собиралась ничего рассказывать. Просто мне очень, очень нужна была работа, а меня как торкнуло: если проговорюсь, это пойдет на пользу. Еще пару месяцев назад я думала, что People.com, сайт, где я стажировалась в колледже, возьмет меня помощником редактора. Представляла, как буду вести блог о Кардашьянах или «Холостяке» – не то чтобы я по ним с ума сходила, но писаниной о них можно заработать. Но за неделю до выпуска шефиня меня подвинула. У нее бюджета не было. А у меня не было плана Б.

Следующие два месяца я почти не спала – каждые пятнадцать минут обновляла сайт объявлений Крейгслист[1 - Сайт электронных объявлений, популярный у американских пользователей Интернета.] и университетскую страницу с вакансиями и рассылала полные отчаяния резюме. Я искала не просто место. Не для того получают приличную стипендию на факультете журналистики Нью-Йоркского университета – и все равно на тебе висит тошнотворная куча кредитов, – чтобы потом майки в Гар складывать. «Блаженство», службу

знакомств, я заприметила, когда однажды жарким днем в начале июля занырнула в Крейгслист.

– Ищем МАТЧМЕЙКЕРА! — орало объявление. – Вооружим вас колчаном, полным стрел Купидона.

О НАС: «БЛАЖЕНСТВО» – элитная служба знакомств для самых завидных холостяков и холостячек Нью-Йорка. Наши клиенты устали от того, что встречают неподходящих людей; они готовы прибегнуть к нашему профессиональному знанию мира свиданий и получить доступ к не имеющей себе равных клиентской базе, в которой есть и успешные предприниматели, и политики, и юристы, и творческие люди. Наши матчмейкеры сделают все возможное, чтобы найти каждому пару. Если клиент заядлый театрал, мы отправимся на вечеринку после Бродвейского шоу, чтобы добыть телефон звезды. Если клиенту нужен интеллектуал для изысканных бесед перед сном, мы заглянем на собрание клуба Менса. Это вам не бабушкины сплетни. Наш метод строго индивидуален, дерзок и решителен... и он работает! С момента нашего открытия три года назад клиенты не раз присылали приглашения на свадьбу.

Матчмейкер должен обладать интуицией, быть творческим и прежде всего со всей страстью относиться к поискам любви. Это не просто офисная работа. Нет, вы будете трудиться по всему городу – в нашем офисе в центре, дома или на выезде. Весь день вы будете сочинять волнующие свидания, а к вечеру находить мистера или мисс То-что-надо. (Мы в жизни не стали бы устраивать потенциальной паре встречу за ужином. Скукотища какая!)

Пропустим традиционные занудные письма с представлениями – сразу высылайте фотографию с припиской, почему наши клиенты должны доверить вам столь ответственное дело: поиск любви.

Я похолодела, прочитав это описание. Оно напомнило мне о самой позорной тайне моей семьи. Состоит она вот в чем: мои родители познакомились не в баре, не в колледже и не через друзей (я рассказывала все три версии). Нет причины, по которой мужчина из спального пригорода в Нью-Джерси мог

столкнуться с деревенской девушкой, живущей в трех часах езды от Екатеринбурга, в России. Ни случайно, ни по воле судьбы, ни как в романтическом кино.

Родителей познакомил своего рода матчмейкер. Папе было одиноко, поэтому он выбрал маму по каталогу и заплатил шесть тысяч долларов, чтобы ее привезли из России, еще в 1991-м. Она знала всего несколько слов по-английски, из песен The Beatles. Ему понравилось, что ей было двадцать, что она была блондинкой и что ее сиськи были слишком здоровенные для такого худенького тельца. Ей понравилось, что у него в машине был магнитофон. Не сказать, чтобы они были родственными душами. Мама родила меня в двадцать два, а к тридцати развелась с отцом, когда стала натурализованной гражданкой США, а он нашел блондинку еще моложе с сиськами еще больше. Такие дела – и не надо меня осуждать.

«БЛАЖЕНСТВО» казалось полной противоположностью тому, как познакомились мои родители. Свести двоих, так как чувствуешь, что сработает, – это звучало романтично. Я хотела в этом участвовать. Я среди ночи села в постели и сразу написала заявление. Воображала, как буду знакомиться с успешными, красивыми, поездившим по миру людьми на встречах Лиги плюща, открытиях галерей, благотворительных концертах – и как они у меня повлюбляются друг в друга. В этих фантазиях у меня были гладко уложенные волосы, не такой приметный нос, а еще подтянутые ноги человека, который на самом деле ходил в спортзал. Я смеялась над рассказом какого-то мужика, который в Гарварде передал первую бутылку пива Марку Цукербергу, а потом как бы между прочим совала ему визитку: Саша Голдберг, Матчмейкер. Карточка была толстая, с острыми углами. Приятель Цукерберга был типа Патрика Бэйтмана, он бы оценил.

– Слышала, вы свободны, – говорила я в том сценарии. – Дайте знать, если хотите найти пару.

Потом я удалялась в лодочках Маноло Бланик, которые сейчас не могла себе позволить, и получала солидный чек.

Когда я четыре дня спустя пришла на собеседование, Пенелопа держалась так, что мне сразу стало легко. Выглядела она как современная Мэрилин Монро – платиновые кудри, сполох красной помады и изгибы, влитые в темно-синее платье, а еще татуировки, выползавшие из рукавов. На мой взгляд, все шло

хорошо; казалось, ей на самом деле было интересно слушать про мой диплом по журналистике и стажировку на People.com. Но когда она задала вопрос, я не знала, что ответить.

– Почему я должна вас взять? – спросила Пенелопа.

Я выдала свой обычный ответ:

– Ну, я очень усердно работаю. И быстро учусь. Я мотивирована на успех. И меня восхищает ваша компания.

– М-м, – вежливо произнесла она. Вид у нее был скучающий.

В здании из бурого песчаника было адское пекло. Под коленкой проступила капля пота, скатилась по лодыжке. До этого момента я была полна оптимизма, надеялась, что меня позовут хотя бы на второе собеседование, если не возьмут сразу. Но теперь уверенности не было, и это меня задело. Я действительно захотела там работать. Поэтому, не дав себе времени на то, чтобы впасть в панику при мысли о последствиях, я сбросила бомбу, тайную русскую невесту по каталогу, чтобы убедить Пенелопу – я просто обязана стать матчмейкером в «Блаженстве». Она должна была понять.

– Дело в том, что матчмейкер из меня выйдет лучше, чем из любого, кого вы можете взять на работу, – объявила я, возможно, громковато. – Потому что я точно знаю, какая получается катастрофа, когда сходятся не те люди. Моя мама – невеста, выписанная из России. Отец ее выбрал по каталогу. Они были женаты десять лет, но никогда друг друга не любили. А ведь «Блаженство» хочет совсем иного? Помочь людям влюбиться? Ничего благороднее я придумать не могу и не понимаю, откуда у кого-то другого возьмется такая сильная мотивация, как у меня.

Я бубнила и задыхалась; я не очень привыкла рассказывать о семье. Но все это оказалось достаточно дико, чтобы сработать. Подняв челюсть, Пенелопа меня тут же наняла.

Три дня спустя я возле офиса «Блаженства», в центре города, на первом дне обучения. Офис возле Бауэри, надо повернуть у магазина «Здоровое питание» и «Интермикса»; величественный дом из бурого камня с изогнутыми коваными перилами по обеим сторонам крыльца и тяжелым медным дверным молотком. Я бью им в дверь и слышу внутри цокот каблуков по деревянным полам.

Пенелопа открывает дверь. Я протягиваю руку, как в прошлый раз, но она смыкает на ней красные когти и подтаскивает меня, чтобы поцеловать в щеку.

– Заинька, заходи! Я так рада, что ты смогла сегодня заскочить поучиться.

Она разворачивается и кивает мне, веля идти следом. Дом, ради которого я бы продала на черном рынке свои органы. Он в лизинге от одного из инвесторов «Блаженства». Из вестибюля поднимается мраморная лестница, а под ногами поскрипывает дерево. Пенелопа ведет меня через столовую – украшенную массивной мерцающей люстрой и темно-красным восточным ковром с бахромой по краям – и открывает дверь в кабинет. Вдоль одной стены стоит изумрудно-зеленый диван, по другой до потолка поднимается забитый книжный стеллаж.

Пенелопа сбрасывает белые лодочки и, поджав ноги, усаживается на диван. Показывает на поднос с шоколадными трюфелями Godiva на стеклянном кофейном столике.

– Хочешь? Подарок счастливого клиента, он только что обручился.

Я беру конфету. Пенелопа вручает мне блокнот и красную ручку, потом плюхается обратно на диван и подносит длинный острый ноготь к губам.

– Работа матчмейкера, – начинает она, – дает такую власть, как ни одна другая. Подумай, что людям нужно в жизни, кроме любви? Успех? Возможно. Слава. Да, в общем, нет. Представь, что ты пришла на вечеринку и тебя спрашивают, чем ты занимаешься. Они все бухгалтеры, или страховщики, или еще какая скукотища. Стоит сказать, что ты матчмейкер, все замрут и обернутся на тебя посмотреть. Всем захочется, чтобы ты их пристроила, дала совет, сказала, что они делают не так. Вот увидишь. Эта власть преображает.

Я такой властью никогда не обладала, а вот моя лучшая подруга Кэролайн – да. В колледже на вечеринках все мои попытки заговорить с парнями

проваливались. Они все сразу западали на Кэролайн, потому что в ней есть нечто яркое и бесстрашное. Сперва никто не понимал, кто она вообще, но в итоге все оказывались очарованы. Она рассказывала, как занималась йогой голышом во время медитации в Тулуме, и как переспала с баристой, и он ей сделал латте с рисунком наутро, и еще как сделала селфи с Ким Кардашьян. Люди легко ей доверяли. И это никакие не уловки; она просто на самом деле такая. А сведя всех с ума очередной историей, она будто между прочим представляла меня: «Это моя соседка Саша. Она прелесть». И было уже не важно, что я неловкая тихоня, потому что в дело включалась Кэролайн, и мы шли как «две по цене одной».

Но на этой работе рассчитывать не на кого, только на себя. Это меня пугает.

- Как все устроено? Откуда вы знаете, кого кому подбирать?

- Саша, записывай. Это все, что нужно знать.

Пенелопа ждет, когда я щелкну ручкой и занесу ее над блокнотом. Я ловлю каждое слово, и ей это нравится. Она садится прямо, вытянувшись в струнку, и поднимает подбородок.

- Внешность и статус, - медленно произносит она, следя, как я записываю. - Внешность и статус. И все. Если люди одинаково привлекательны и одинаково успешны, им не нужно ничего общего. Они захотят прыгнуть в койку и не станут ссориться из-за денег - остальное неважно.

- И все?

Она тянется, берет трюфель, сует в рот и улыбается.

- И все. Просто, правда?

Внешность и статус... что, люди и правда так поверхностны? Мне хочется ей верить, но все как-то слишком легко.

- То есть, конечно, с этим можно поспорить, - она строит рожу. - Считаю внешность и статус минимальными условиями - иначе клиенты оскорбятся, что

ты вообще зачислила их в одну лигу.

Родители при таком подходе точно не стали бы парой. Но, с другой стороны, у них и не вышло. Иногда я думаю: а мы с Джонатаном – моим парнем – в одной лиге? Мы познакомились, когда я была второкурсницей и училась за границей, в Париже. Мы с Кэролайн зашли в винный бар в 16-м округе, где один американец опрокинул мой бокал. И спросил, можно ли купить мне выпить, чтобы возместить потерю. У него были песочного цвета волосы и синие глаза, которые подсвечивал его темно-синий свитер, так что я и не подумала отказываться. Я узнала, что его зовут Джонатан Колтон, что он первокурсник из Колумбийского и здесь на стажировке. Он был странноватый, хотя по виду мальчика-отличника и не скажешь: объяснил, что работает над исследованием, в котором сравнивается архитектура Хогвартса и существующих на самом деле европейских замков; а еще он собирался на реконструкцию средневекового рыцарского турнира в выходные. Я удивилась, когда он сказал, что специализируется на экономике. Да и сам он как-то скучно рассказывал про стажировку по инвестиционному банкингу, запланированную на лето. Я не хотела прерывать разговор, даже когда мы допили пиво. Он пригласил меня поехать с ним на рыцарский турнир, и это стало нашим первым свиданием. Это было больше двух лет назад, с тех пор мы вместе.

Но внешность и статус? Не поймите меня неправильно, я довольно хорошенькая. Папа выбрал маму именно за внешность, а мне кое-что от нее перепало: ясные зеленые глаза, полные губы, фигура песочные часы. Но еще мне достались папины темные мелкие кудри и нос, который мог бы быть меньше минимум вдвое. А если говорить про статус – это просто смешно. Джонатан – типичный БАСП[2 - Белые англосаксонские протестанты – термин, обозначающий привилегированное происхождение.] из Вестчестера, а теперь еще и инвестиционный банкир. Я – почти безработная девчонка, которую всего один зарплатный чек отделяет от возвращения в округ Пассаик в Нью-Джерси. И не в лучший его район. Не знаю, разделяю ли я философию Пенелопы, но слова ее я записываю и подчеркиваю дважды.

– Итак, Саша, первое, что ты должна сделать, когда тебе поручают нового клиента, это пригласить его на ужин. Столик, разумеется, за счет «Блаженства». Выбирай что-нибудь погорячее: бары в гостиницах – самое то. Не в «Мариотт», конечно, но в «Отеле Бауэри», в «Эйс», в «НоуМад». Ну, ты понимаешь, о чем я.

Я не понимаю.

- И чтобы это не было похоже на рабочую встречу. У клиентов не должно быть ощущения, что ты занимаешься делом, у тебя одна задача - искать любовь. Не выбирай первое из списка Yelp.com. Ты хочешь устроить им праздник, понимаешь? Вот тут-то ты и занырываешь на глубину: чего они ищут, какая у них история отношений, кто их привлекает и все такое.

- И как это вызнать?

- Начинать не спеша, растопи лед. Можно про погоду поговорить или похвалить наряд. Ну, знаешь, чтобы они расслабились.

Я вспоминаю, что было неделю назад, когда Пенелопа разохалась по поводу базового черного платья, в котором я всегда хожу на собеседования. Ясно.

- Но пару-то где искать?

Она тянет со стола золотой Макбук, открывает его и щелкает по клавишам.

- Вот. Первое, что надо сделать, это просмотреть нашу базу. Мы в прошлом году приглашали девелопера из Кремниевой долины, чтобы он нам ее разработал. Тут тысячи профилей: и клиенты, и потенциальные пары. Можно отфильтровать по гендеру, сексуальной ориентации, возрасту, интересам, причинам расставаний, доходу и росту.

Передо мной мелькают лица, и при мысли о том, сколько же здесь народу, у меня кружится голова. Я мельком вижу фотографии: чувак с блестящей лысой башкой, девушка с распущенными темно-рыжими кудрями, селфи парня без рубашки, снятое на яхте, девушка в угольно-черном костюме с очень серьезным видом. Пенелопа останавливается, проматывает список вверх, отчего все лица сливаются в одно. Она наводит курсор на строку поиска и набирает имя.

- Думаю, твоей первой клиенткой будет Минди Каплан. Она только что зарегистрировалась, и у меня есть предчувствие, что у вас двоих все получится. Схожие биографии, понимаешь?

А. Она о том, что мы еврейки. Ну, хоть отчасти. Я не была в синагоге со времен бат-мицвы, скоро десять лет как. Пенелопа выводит на монитор фотографию

хорошенькой брюнетки с яркой розовой помадой на губах.

– Минди тридцать пять. Она на руководящей должности в телесети. А хотела просто мужа и детей пять лет назад – знаешь, как бывает? По-настоящему шикарная, умница и заводная.

Я подаюсь вперед, чтобы посмотреть ее профиль. Первыми в глаза мне бросаются цифры: 157 см, 150 тысяч в год. Спорим, живет она в доме со швейцаром и лифтом. В интересах у нее телевидение, живопись, астрология, выходные в Мартас-Виньярд и благотворительный сбор средств на всякое вроде образования для девочек и лечения детей, больных раком. Причины, по которым она разрывала отношения: «не еврей (простите), не готов осесть, проблемы с гигиеной и плохие манеры». А потом, в разделе о том, чего она ищет: «Люблю свою работу, я успешна, но самое важное в жизни – стать матерью. Семья для меня всегда стояла на первом месте. Надеюсь, и для моего партнера она будет превыше всего». Может показаться, что девушка в отчаянии, но, по-моему, написано искренне. Она мне нравится.

– У нас обширная база, но допустим, ты там не найдешь идеального парня для Минди с первой попытки. Тогда тебе придется самой искать свободных мужчин.

Вот что я представила: как буду шерстить самые крутые вечеринки в городе на предмет завидных холостяков и, флиртуя, заносить их телефоны в маленький черный айфон. Стопроцентный ужас. Я никогда так ни с кем не встречалась. До Джонатана у меня были только всезнайки с семинаров по журналистике, у которых, кажется, было мненьце по любому поводу: музыка, наркотики и все, о чем они читали в Vice. В Нью-Йорке я как-то уцелела, за четыре года так всерьез и не попробовав даже одним пальцем ноги арену Нью-йоркских свиданий.

– Надо будет выходить и встречаться с кучей народа? – спрашиваю я.

– Ну вроде того. То есть ты можешь, не вопрос. Джорджи – одна из наших матчмейкеров, ты с ней потом познакомишься – как раз на этом специализируется. У нее была клиентка, которой не хватало чувства юмора у бывшего, так Джорджи ходила на курсы стендапа, пока не встретила подходящего парня. Еще у нее был клиент, которому требовалась индуска, и она пошла в индуистский храм. А на прошлый День труда она все выходные провела на охоте в Хианнис-Порт, чтобы добыть Кеннеди.

Мать моя женщина!

- И нашла?

- Кеннеди?

- Да.

Пенелопа поджигает губы.

- Ну, строго говоря, он им троюродный, но да, конечно. Джорджи о каждом клиенте заботится так, словно он ее лучший друг, понимаешь? Вся вымотается, чтобы найти подходящую пару.

- Но разве не в этом смысл? - мне делается как-то не по себе, я словно не совсем понимаю, во что ввязываюсь.

- Конечно, куколка! Но можно пойти быстрым путем.

Она берет телефон. Экран блокировки белый, с ярко-голубым логотипом «Блаженства» - двумя стилизованными прописными Б, обращенными друг к другу, как две пары губ. Она разблокирует мобильник.

- Вот где настоящее волшебство. Смотри: Tinder, Hinge, Bumble, The League, Raya, Coffee Meets Bagel, OkCupid, Her, BeLinked, JDate, JSwipe, Match.com, eHarmony... мне продолжать?

- У вас везде по профилю? - недоверчиво спрашиваю я.

- Везде. И у тебя будет. Это одна из причин, по которой мы и нанимаем матчмейкеров чуть за двадцать. Молодые лица - лучшая приманка в приложениях для знакомств.

- А другая причина?

Она смеется.

– Мы стараемся брать девушек, которые занимались сексом в последнем десятилетии. Наши конкуренты – сплошь женщины за шестьдесят.

– А.

Я не знаю, что на это сказать. У меня, в общем, секс в последнем десятилетии был. Например, вчера.

– Я просто думаю... а не проще встречаться с людьми лично?

– Ну, знаешь, можно весь день носиться по городу, пытаюсь познакомиться с мужчинами, – соглашается она, склонив голову набок, будто не вполне уверена. – Но именно это делают наши клиенты, и у них такая тактика явно не работает. Сайты знакомств и приложения ускоряют процесс. Я чатилась с десятком мужчин, когда ты сегодня утром пришла.

– Десятком?!

– Во-первых, Джоуи, профессиональный теннисист, у которого фетиш – женщины постарше, – начинает Пенелопа, загибая пальцы. – Сразу нет. Мы не хотим, чтобы наших женщин объективировали. Эндрю, юрист. Выглядит перспективно. Может быть, немного скучноват. Рафаэль точно кого-нибудь бы устроил, но он встречается только с настоящими красавицами. Я пока выясняю, какой типаж его привлекает, но модельки с нулевым размером, которые виснут на нем на всех фотографиях, это дурной знак. погоди, мне нужно этим заняться, – говорит она, указывая на телефон.

Она прикусывает губу, думает пару секунд, потом быстрой дробью набирает сообщение в каком-то незнакомом мне приложении. Я смотрю, как она улыбается и поджимает губы, как будто на самом деле флиртует в реальном мире. Из-за того, что выглядит она как пин-ап-картинка, и это в обычный четверг в офисе да с ее суховатым быстрым одобрением случайного подбора, кажется, что я ненадолго покинула Землю. Это что, такая у меня теперь жизнь? В здании тихо, и передо мной внезапно встает картинка, как я целыми днями прохлаждаюсь на этом безумном бархатном диване, печатая сообщения мужикам в возрасте, которых в глаза не видела. Не верится, что это настоящая работа. Я провожу ладонью по обивке и чувствую покалывание ворса.

Пенелопа получает сообщение и хохочет.

– Рафаэль утверждает, что переспал с двумя моделями «Виктория Сикрет». Нет уж, не с такой линией роста волос, не надо.

Она разворачивает экран ко мне, и – да, темечко у чувака едва прикрыто редкими темными волосами. Ему двадцать семь.

– Ой.

– Не чувствуй себя виноватой, смеяться можно, – говорит Пенелопа. – Они все равно по большей части козлы.

– А с женщинами мы не разговариваем?

– Разговариваем. У нас клиентов шестьдесят на сорок, женщин больше, чем мужчин, но к женщинам-натуралкам на сайтах знакомств подкатить труднее, потому что все матчмейкеры у нас женщины. Так что пары для мужчин мы чаще находим через личные связи.

– А нельзя сделать профиль от имени мужчины и так общаться с женщинами?

– Технически можно. Но мы нечасто создаем подставные профили. Когда ищешь пару, ищешь от своего лица. Под своим именем, со своим лицом, с настоящей биографией. Чем реальнее, тем правдоподобнее.

Она снова начинает печатать. Я слышу, как открывается входная дверь и кто-то зовет: «Эй! Есть кто?» – а потом по деревянному полу стучат каблуки. Через несколько секунд в гостиной появляются две девушки. Пенелопа отрывается от телефона и встает, чтобы обнять обеих. Они здороваются. Я неловко мнусь в стороне, дожидаясь, когда меня представят.

– Дамы, это Саша, мы ее только что взяли. Это Джорджи и Элизабет.

Джорджи – крохотное создание в мужской рубашке в тонкую полоску, мятой, будто она подобрала ее сегодня утром с пола; рубашка доходит ей до середины бедра, оставляя на виду только игривый край черных шелковых шорт с

кружевами; на макушке растрепанный пучок. Она бросает мне косую улыбку:

- Очень приятно, - и возвращается к разговору с Пенелопой.

Элизабет - полная противоположность Джорджи: она приветствует меня твердым рукопожатием и искренней улыбкой. Ее коралловое платье-футляр напоминает мне нечто из гардероба Анны Винтур, что та надела бы для запугивания тщедушной ассистентки. В отличие от Джорджи, Элизабет со мной заговаривает по-настоящему.

- Вам тут будет так весело, - говорит она с готовностью и легкостью человека, который умеет вести светские беседы.

Мне неловко признаваться, что я раньше ничем таким не занималась, но я все равно говорю. Я от нервов начинаю тараторить без умолку. Ее, кажется, это не смущает - ни болтливость, ни нехватка опыта.

- Слушайте, я ради этого бросила юридическую школу. И ни разу не пожалела.

- Правда?

- Денег, конечно, меньше, - соглашается она. - Но куда веселее.

Элизабет с самого начала держится очень приветливо, так себя ведут пьяные девчонки на вечеринках, только вот у меня странное ощущение, что она всегда такая. Джорджи шушукается с Пенелопой низким хрипловатым голосом. Краем глаза я вижу, как Джорджи разводит ладони дюймов на восемь-девять, и слышу тихий смешок. Брови Пенелопы ползут вверх.

Обучение продолжается весь день: показывают, как пользоваться базой данных, учат, что писать в приложениях для знакомств, как изучать потенциальную пару, чтобы понять, совместима ли она с клиентом. Джорджи размещается на подлокотнике дивана за спиной у Пенелопы, а Элизабет сидит напротив, скрестив лодыжки, на обитом тканью в огурцах диванчике на двоих. Когда Пенелопа говорит, они вставляют замечания. Когда я собираюсь уходить, блокнот полон каракулей, а в голове хаос. Пенелопа говорит, что скоро свяжется со мной, чтобы организовать встречу с Минди.

– Ты ей понравишься, зайка, – произносит она мне вслед, выглядывая из дверей на крыльцо. – Беспокоиться не о чем!

Беспокоиться не о чем. Я справлюсь. Так? Когда я покидаю особняк из бурого камня и иду домой, мне приходит в голову, что все это предприятие со знакомствами может обернуться полным провалом. Для такой работы нужно быть пронырой, а я не из тех, кто легко сходится с людьми. Но мне надо этим заняться, иначе придется возвращаться к маме и отчиму Стиву в Джерси.

Глава 2

– Мне просто нужен мужчина, который знает, чего хочет, – говорит Минди, заканчивая заламывать руки и задыхаться по поводу ужасающего состояния манхэттенского рынка свиданий для тех, кому за тридцать, и вонзая вилку в лист кале.

Жует она молча – и это первые мгновения тишины за столом после того, как я, чтобы растопить лед, похвалила ее блузку пятнадцать минут назад. Я благодарна, что в нашем разговоре Минди взялась за тяжелые веса, потому что вчерашние уроки Пенелопы все будто в тумане. Когда она объясняла, как проводить первые встречи с клиентами, все казалось так просто, но теперь применять эти навыки на практике жутковато. Ощущение такое же, как на теоретических научных курсах в колледже. Пока профессор показывал, как вычислить расстояние между двумя планетами с помощью сложной формулы, я, в общем, понимала, но когда надо было сделать то же самое на экзамене самой, только хлопала глазами.

Намного легче оттого, что Минди мне пока очень нравится. Она правда прелесть. Явилась в «Сант-Амроус» с двенадцатиминутным опозданием, но заранее прислала эсэмэску с извинениями: «Опаздываю. Задержалась у врача (консультировалась о заморозке яйцеклеток). Уже в такси. Извините... скоро увидимся!!! Целую!!!» Она адекватная, энергичная и, кажется, не замечает, что моей квалификации крайне не хватает, чтобы найти ей мужа.

Я предложила Минди встретиться здесь, потому что знаю, она живет за углом в Вест-Виллидж, а еще потому, что Джонатан как-то приглашал меня сюда на

свидание. Он не сказал, что он тут завсегда, и у меня глаза на лоб полезли, когда официанты стали похлопывать его по рукаву и называть «малыш Джонни». Я в тот день заказала самое дешевое, что было в меню, – тирамису за девять долларов, на случай если вдруг окажется, что каждый платит за себя. Не хотелось, чтобы он решил, будто я его использую как талон на бесплатное питание, хотя иногда именно так и получалось.

Мы с Минди сидим в глубине, за столиком, втиснутым между двух других. Вокруг нас расположились на красных кожаных банкетках Дамы, Которые Обедают, – едят тарталетки с фуа-гра или тунцом, пьют эспрессо из крошечных чашечек. В ресторане стоит гул от разговоров по-английски и по-итальянски, от стука серебряных приборов по белым керамическим тарелкам. Почти на каждой спинке стула висит сумочка «Шанель». Мой «Майкл Корс» из комиссионки засунут под стол. Сумка Минди бледнейшего младенческого розового цвета из мягкой кожи. Я не узнаю дизайнера, значит, стоит она, скорее всего, больше, чем я плачу в месяц за квартиру.

Минди дожевывает свою кале и подается вперед, поставив локти на стол и церемонно убрав руки под подбородок.

– Я даже слов не могу найти, насколько важно, чтобы он был очень мужественным, – говорит она. – Он должен быть сильным, решительным, с низким голосом, широкоплечий. Хлюпики мне неинтересны.

– Понимаю, – киваю я.

– Но дело в том, что он должен быть евреем. Мне это было не так важно, когда я была помоложе, – говорит она, растягивая слово «помоложе», и ее глаза над краем поднятой кофейной чашки едва заметно приоткрываются. Я не сказала, сколько мне лет, и не собираюсь этого делать. – А теперь важно. Я хочу, чтобы мои дети росли так же, как росла я.

– Не вопрос.

– Среди евреев попадаются слишком уж мягкие для меня, слишком плаксивые; слишком привязанные к мамочке, – говорит она. – Это мне не подходит. То есть, конечно, маму надо любить. Но не прям без перерыва любить-любить, понимаете, о чем я?

– Вы ищете кого-то, ориентированного на семью, но независимого, – перефразирую я.

Один из вчерашних советов Элизабет: если выдавать ту же мысль другими словами, клиент почувствует, что вы на одной волне.

– Да!

Меня этим «замуж надо выходить за еврея, а то смотри у меня!» дома не доставали. Я еврейка только наполовину, по отцу, а он, в общем, никогда не западал на еврейских девушек. Ему нравятся блондинки – мама, конечно, а потом череда его подружек, которых звали Стейси, Трейси и Лейси, когда он перебрался в Майами. Если еврейская девочка говорит, что она натуральная блондинка, значит, она врушка и у нее отличный колорист. Я в жизни не встречалась с еврейскими парнями. Наверное, проще, когда рождаешься с набором правил по поводу того, с кем можно, а кто запрещен. В этом случае фокусируешься с лазерной точностью на том, кого именно ищешь, вот как Минди. У меня, когда я познакомилась с Джонатаном, и критериев-то не было, я просто хотела кого-то нормального, потому что с такими, когда я росла, была напряженка.

Звонит айфон Минди, цвета розового золота.

– Вам нужно ответить? – спрашиваю я.

Едва взглянув на экран, она переключает телефон на голосовую почту.

– Нет, что может быть важнее этого?

Но никакого давления, ничего такого.

– У меня просто... – она замолкает и тяжело вздыхает. – У меня такое чувство, словно я уже все перепробовала. Я встречалась со всеми, пыталась знакомиться в Сети, через приложения, через друзей, ходила к психологу, чтобы во всем разобраться, записалась в клуб любителей бега, чтобы познакомиться с новыми людьми, ходила к ясновидящим, худела, сидела на детоксе соками, чтобы убрать все токсины из жизни... Я пятнадцать лет колочусь головой о стены,

пытаюсь найти своего человека. Я просто хочу быть мамой. Я почти смирилась с тем, что рожу для себя, – но я пока не готова перестать искать мужа.

Есть, когда она все это говорит, мне кажется неуважением, и я кладу вилку. Я хочу ее уверить, что найду ей парня, но понятия не имею, с чего начать. Вместо этого я открываю заметки в айфоне, куда заносила все, что говорилось за обедом, и перечисляю, чего она хочет. Что угодно, только бы произвести впечатление умелого матчмейкера.

Мужчине ее мечты от тридцати пяти до сорока пяти, читаю я, возможно, он банкир или юрист, и он просто огонь в стиле Райана Рейнольдса, но при этом не помешан на спортзале. («Потому что у меня самой не то чтобы безупречный журнал посещений фитнес-клуба, понимаете?» – замечает она.) Он должен быть евреем, умным и любящим детей. Должен много работать, но не настолько, чтобы она его совсем не видела; у него должно быть чувство юмора, но не язвительное и саркастическое; он должен быть добрым, внимательным и заботливым. А главное, он должен стремиться осесть и завести семью.

– Все точно, – говорит Минди, сияя, но улыбка задерживается ненадолго. – А это не слишком? Вам не кажется, что это слишком сложно?

Я качаю головой и заверяю ее, что точно знаю, как быть. То есть да, согласна, работа матчмейкера выглядит адски трудной. Но, с другой стороны, из всех моих подруг парень есть только у меня, и думаю, я проделала обалденную работу, чтобы его найти и удержать. Нью-йоркские девочки поверить не могли, что я нашла горячего, успешного, крутого натурала, который сам захотел стать моим бойфрендом. (До того как я сюда переехала, я думала, что в этом городе на каждый квартал по Мужчине Мечты. Представьте, как я удивилась, когда выяснилось, что все парни в Нью-Йорке или геи с дипломом театроведа, или игроки, которые каждую неделю меняют девушек. Одинокие натуралы тут знают, что они нарасхват, и поэтому обычно превращаются в козлов.) Если я себе парня обеспечила, я кому угодно могу обеспечить парня. Так?

– Понимаю. Вы обещаете?

Я пытаюсь вытолкнуть бабочек из живота. Нам приносят счет, и я достаю карту, чтобы потом стробовать с «Блаженства», и молюсь, чтобы не оказалось, что я превысила лимит. Я не хочу всерьез задумываться о том, что могу провалиться –

до самого Джерси. На выходе из ресторана Минди устраивает показательный обмен поцелуями, и мы расходимся. Пора найти Минди мужа. Поехали.

Глава 3

Я втыкаю в уши наушники и бреду на восток через Вест-Виллидж. Город залит солнцем и выглядит сногсшибательно. Пышные кроны деревьев отбрасывают тень на ступени домов из бурого камня, на каждом крыльце кованые перила. Я прохожу мимо загорающих толп и джазовых музыкантов в парке на Вашингтон-сквер и добираюсь до ресторанчика «Думай кофейно» возле университета. У них есть кофе со льдом, который охлаждает ребра изнутри, а еще там крутится столько студентов с лиловыми волосами и колечками в носу, что мне кажется, будто я сама одна из них. Я приходила сюда каждую неделю, пока училась в колледже, чтобы работать над шутками и историями для NYU Local – независимого блога, который вели студенты. В кофейне уютно: меню на досках за прилавком написано от руки цветными мелками, диваны туго набиты, а стены оклеены флаерами, в которых объясняется разница между кофейными зернами из Эфиопии и Танзании.

Когда подходит моя очередь, я говорю баристе свой обычный заказ: большой кофе со льдом. Мы встречаемся глазами, и у меня вспыхивают щеки. Он совсем не в моем вкусе – густые рыжие волосы забраны в пучок, а предплечья покрыты сложными геометрическими татуировками, но есть нечто очень притягательное в теплоте его глаз и в ровных зубах. Наверное, это необходимое условие для работы матчмейкером: слегка влюбляться в каждого встречного.

Бариста протягивает кофе. Я бросаю быструю улыбку и начинаю кружить по людной кофейне в поисках свободного места. Вынимаю из сумки лэптоп. Он сразу подключается к вай-фаю, хотя я здесь не бывала после выпуска. Дом там, где ты автоматически подключаешься к Интернету. Я нахожу в почте ссылку на закрытую базу «Блаженства». Во время моего обучения Пенелопа представляла это – удаленку – как главный бонус.

– Только подумай, можно работать, пока тебе делают педикюр! – восклицала она.

Я воздержалась от того, чтобы признаться – мне никогда в жизни не делали профессиональный педикюр. Совсем маленькой я смотрела, как мама раскладывает на кухонном столе бумажное полотенце и занимается ногтями. Она всегда подпиливала их остро и красила в вишнево-красный. Никогда не тратилась на салон. Я думала, домашний мани-педи – это предел гламура и красоты. Считала, что мама красивее других мам, которые забирали детей из школы в трениках, с волосами, забранными в хвостик.

К средней школе я поняла, что отличаться – не значит быть лучше. Том Брэддок, здоровый лоб, который был капитаном почти всех спортивных команд, как-то передразнил походку моей мамы, когда она приехала забрать меня из школы; нам было по двенадцать. Он осторожно ступал на цыпочках, подражая ее походке в босоножках на платформе, и вилял бедрами из стороны в сторону. Он тряс запястьями и с сильным акцентом произносил: «Детка, не обнимай меня, мои ногти не высохли». Я бежала к машине, закусив губу, чтобы не расплакаться.

Я ныряю в базу «Блаженства» ради Минди, установив фильтр на мужчину-натурала от тридцати до сорока пяти, живущего в Нью-Йорке; база вылевывает 2087 результатов. От выбора голова кругом. Внезапно я чувствую смущение – я понимаю, это Нью-Йорк, здесь полно неадекватов, но есть что-то слегка неловкое в том, чтобы перебирать в онлайн-магазине мужиков на десяток лет меня старше. Я подтаскиваю лэптоп поближе, чтобы не светить монитор, и начинаю прочесывать профили один за другим.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет.

Нет, нет, нет, нет, нет.

О Господи, нет.

И так далее, и все в таком духе, где-то примерно полчаса.

Среди этих мужиков нет уж совсем отстоя. Многие, в общем, близки к тому, что ищет Минди. Но чего-то всегда не хватает. Один подходит почти по всем пунктам, кроме самого важного: у него двое детей от прошлого брака и он больше не хочет. Еще один всем хорош и ориентирован на семью, совсем как она, но работает в благотворительной организации и получает всего сорок тысяч в год.

Я почти отчаиваюсь, и тут мне попадается профиль Марка. В списке он идет пятьсот шестым. Похож на выросшего паренька из студенческого братства, у него мягкие карие глаза, румяные щеки и мальчишеская улыбка. Работает в финансовой сфере, любит пробежки вдоль Гудзона по выходным, за прошлый год побывал в трех странах. В очертаниях его челюсти есть что-то, отдаленно напоминающее Райана Рейнольдса. Минди он может понравиться. От его профиля во мне не начинают порхать бабочки, как, я надеялась, будет, когда я найду того самого парня, но связаться с ним стоит.

Я достаю из сумки заметки, сделанные на занятиях, и копирую то, что велела писать Пенелопа с моего нового аккаунта в «Блаженстве».

Привет, Марк!

Я – Саша, матчмейкер, работаю в «Блаженстве». Ваш профиль меня заинтересовал в связи с одной из моих клиенток, потому что вы оба много путешествуете и у вас схожее чувство юмора. Я хотела бы узнать о вас побольше и понять, подойдете ли вы друг другу. Если да, я с радостью вас познакомлю, бесплатно. Надеюсь на скорый ответ!

Саша.

Через несколько минут он откликается.

А какая она, ваша клиентка? Можно фото?

Я тут же жму «ответить».

Большое спасибо, что сразу отозвались! Клиенты «Блаженства» сохраняют анонимность – это одно из преимуществ платного членства. Но я с радостью расскажу вам больше за чашкой кофе. У вас есть время, чтобы встретиться на этой неделе?

Кажется, тон у меня слишком уж отчаянный, но его это не отталкивает. Он отвечает через минуту, и я начинаю думать, что могу и дальше притворяться, будто все знаю.

В девять утра завтра. «Старбакс» на Вест между Олбани и Либерти. Увидимся там, Саша, я буду очень рад.

Резкий парень. Но это и хорошо. Я знаю этот «Старбакс», он как раз возле офиса Джонатана. Я пишу Минди сообщение, что уже вышла на охоту, и она присылает в ответ строчку эмодзи, хлопающих в ладоши. Я вношу встречу с Марком в расписание на телефоне. Не знаю, окажется ли он Тем Самым, но даже если он будет совершенством, Минди купила пакет за 700 долларов в месяц, который гарантирует два свидания ежемесячно. Надо поскорее найти ей второго парня.

Я закрываю лэптоп и расслабленно откидываюсь на спинку дивана, попивая кофе. Четыре года я провела тут, готовясь стать писателем. Представляла себе, как буду встречаться с источниками или сворачиваться в уютном кресле в глубине зала, чтобы набрать тысячу слов, а может быть, даже стану когда-нибудь здесь читать свои творения. Я еще не готова исключить такое будущее, но пришло время перевести его в режим ожидания.

Когда я захожу в нашу квартиру на углу Первой авеню и Восемнадцатой стрит, Кэролайн валяется плашмя на диване, смотрит телевизор и чешет кота Орландо (назвали в честь нашей общей детской любви, Орландо Блума). Идет «Брод-Сити». Мы обе посмотрели этот сериал от начала до конца четыре раза. Наша дружба так же прочна, как у Эбби и Иланы, разве что мы никогда не занимались сексом с нашими парнями, говоря друг с другом по скайпу, как они, потому что, ну, это слишком. Правда, в прошлые выходные я провела двадцать минут, склонившись над ее голой задницей со стерилизованным пинцетом, вынимая занозу, которую она поймала, посидев в коротком платье на скамейке в парке. Я потрясающая подруга.

– Привет! Я думала, ты сегодня приступаешь? – спрашивает Кэролайн.

– А я и приступила. Встретилась с первой клиенткой и начала искать ей мужиков. Подвинься.

Я жестом велю соседке убрать ноги и сворачиваюсь на своей половине дивана.

– Не верится, что ты правда будешь матчмейкером, – говорит Кэролайн, потянувшись за пультом, чтобы поставить сериал на паузу. – Это, блин, так круто!

– Теперь я настоящий человек, совсем как ты. Слава богу.

– Добро пожаловать в ряды серьезных взрослых с серьезной работой. Спасибо, что заметила, как я предана своей карьере, – отвечает она с невозмутимым видом.

Кэролайн пару смен в неделю работает в магазине в Ист-Виллидж; магазин называется «Власть цветов», там продают всякие травы, а еще она на полставки трудится администратором в балетной студии, хотя и ненавидит это больше всего, но зато она получает бесплатные уроки, и у нее полно времени, чтобы работать над пилотом собственного шоу на телевидении. В смысле теоретически. Не то чтобы она много писала. Вместо этого мы просиживаем каждую ночь до часу, а то и до двух, пьем дешевое пино гриджо, фотографируем Орландо и прикалываемся по поводу ее парней из Тиндера. Кэролайн может съесть целую коробку мятного печенья от девочек-скаутов в один присест, у нее никогда не размазываются стрелки, и еще она опасно

подсела на «Кэнди Краш». Играет все время и присылает мне сообщения, когда побьет предыдущий рекорд. Мы познакомились, когда курили траву в туалете общежития для первокурсников, и прям влюблены друг в друга.

- Знаешь что? Тут нужно вино. Надо отпраздновать твой первый день, - говорит Кэролайн.

- Но мы же ужинаем через два часа с Джонатаном, Мэри-Кейт и Тоби - вот и отметим.

- И что?

Она уже вскочила и роется в ящике, ища штопор. В холодильнике остужается бутылка дешевого вина. Оно стоило шесть долларов на распродаже в винном магазине напротив, но я целенаправленно старалась подружиться с хозяином, так что мне его отдали за пять. Кэролайн находит штопор, открывает бутылку и наливает вино в две стеклянные вазочки для мороженого, потому что никто из нас в последнее время не запускал посудомойку. Она протягивает мне порцию, а я рассказываю, как прошел день.

- Так что мне понадобится помощь с Тиндером, - объявляю я.

У Кэролайн никого нет. Знаете, как в «Сексе в большом городе», или в «Друзьях», или в «Сайнфелде», все каждую неделю встречаются с кем-то новым? Вот она тоже так делает, потому что никто надолго не задерживается. Она идет на свидание почти с каждым, кто пригласит, потому как думает, что все дело в количестве: чем больше парней, с которыми ходишь на свидание, тем вернее найдешь того, с кем заведешь отношения. Но на практике так не получается. Выходит, что она просто ходит на свидания с неудачниками, у которых проблемы с ответственностью. За четыре года, что мы знакомы, у нее ни разу не было парня - просто десятки провальных свиданий и самодиагностированный туннельный синдром из-за пролистывания приложений.

- В смысле, помощь?

- Ну, я нашла одного мужика в базе. Но мне нужен еще один.

- Ты хочешь сказать, что тебе платят за то, что ты роешься в мужиках?

- Технически да.

У нее отвисает челюсть.

- Я бы уже офигиллион заработала! Так нечестно!

- Кэролайн, так ты и есть офигиллионер. Дай другим урвать свой кусок пирога.

Она пытается что-то ответить, но потом замолкает. Ее родители юристы, и они кладут на ее счет две тысячи каждый месяц «на мелкие расходы». (Мелкие расходы в понимании Кэролайн – это всякое вроде туалетной бумаги, кофе и меховых шлепанцев, которые Рианна однажды надела на яхте.) Она накручивает длинную светлую прядь на палец и бормочет:

- Ладно, давай сюда телефон.

Кэролайн задумывается на секунду, что-то печатает, потом возвращает мне сотовый. Показывает мне многозначительную надпись, которую добавила под моими фотографиями: «Отстой не для меня». Это из песни TLC.

- Серьезно?

- Просто поверь.

Мы меняем настройки, чтобы видеть мужчин в возрасте, который нужен Минди, а потом я смотрю, как Кэролайн смахивает влево одного, двоих, троих, шестерых, десятков мужиков подряд. Она едва успевает рассмотреть лицо, прежде чем принимает решение. У нее здорово выходит. Наверное, даже слишком здорово после стольких лет в этом приложении.

- Ладно, твоя очередь. Смахивай вправо тех, кто нравится, влево тех, кто нет.

Я смахиваю вправо парня в вязаной шапке, влево – в бейсболке, строго влево тех, кто на фотографии без лица, селфи с голым торсом в грязном зеркале ванной. Я еще не прикончила первую вазочку вина, а уже пьяна от власти

благодаря Тиндеру. Я смахиваю, пока не натыкаюсь на блестящий экземпляр: Адам, тридцать три. То есть для меня староват, но все в порядке, потому что он ведь не для меня.

У Адама ворох коротких темных кудрей и легкая щетина. На фотографии он смотрит вверх настоящей бумажной газеты, подняв бровь, как будто кто-то застал его врасплох. Я открываю его профиль. «Я редактор Esquire в рабочее время, а по ночам пишу роман, – сообщает он. – Ум привлекателен, рыцарство не умерло. Надеюсь, тебе нравится южный выговор. Метр девяносто». Вот! Я пролистываю остальные фотографии: на одной он в лесном походе, на другой со своей крошечной старенькой бабушкой, а еще на одной с девушкой в белом сарафане в облипку, при виде которой я даже чувствую укол ревности, сама не понимаю почему. Я сбита с ног. Сочетание волос, глаз и имени Адам заставляет меня считать его евреем. Я смахиваю вправо.

«Совпало!» – объявляет Тиндер, и наши лица заполняют весь экран.

Я понимаю, почему одинокие люди подсаживаются на это. Парня заказать легче, чем пиццу.

Кэролайн заглядывает в экран.

– Поздравляю! Милый, – говорит она. – Скорее в твоём вкусе, чем в моём, но милый.

Учитывая её бортовой журнал, это и к лучшему. Я наливаю в вазочки ещё вина, и мы какое-то время смахиваем профили в Тиндере и ржем над самыми ужасными профилями. Как будто играешь в печальную версию игрушки, где надо кротов бить по головам: только подумаешь, что нашел самый чудовищный профиль, как тут же вылезает следующий.

– Напиши Адаму, – в конце концов объявляет Кэролайн. – Он – твой лучший шанс.

– Не знаю. Одно дело – база... Я не знаю, как с людьми разговаривать в этих приложениях.

– Что за тупизм? Просто поговори с ним.

Я пытаюсь придумать, что сказать.

- Девушки ведь первыми не пишут, так?

Кэролайн хватается телефон, зачитывает его профиль: «Ум привлекателен, рыцарство не умерло» - и печатает ответ. Широким жестом нажимает «отправить».

- Вот!

- Стой! - ору я, выхватывая телефон. - Что ты ему сказала?

Говоришь, рыцарство не умерло? Я тебе не верю. Я Саша, приятно познакомиться.

Ыыыы.

- Кэролайн, теперь он решит, что я за ним гонюсь. Не так надо писать возможным парам для клиента.

Она бледнеет:

- Прости. Я что, все запорола?

Я не знаю.

Перечитываю ее сообщение. Не так уж плохо. Если я собираюсь стать матчмейкером, нельзя целыми днями сидеть и ждать, когда со мной заговорит мужчина - нужно самой выходить вперед (вообще-то выталкивать своих клиенток), даже если от этой перспективы я вся покрываюсь мурашками. Если (когда?) Адам ответит, я скажу, что я от «Блаженства». Но пока я ничего не могу сделать.

Спустя две серии «Брод Сити», две вазочки вина и нескольких непристойных сообщений в Тиндере от озабоченных наступает время отметить мое вхождение

в мир людей, у которых есть работа, ужином в «Отеле Тортуга», моем самом любимом в мире ресторане. Список гостей невелик: Кэролайн, Джонатан, его сестра (и моя подруга) Мэри-Кейт и ее жених Тоби. «Тортуга» – это никакой не отель, скорее забегаловка в мексиканском стиле возле Юнион-сквер, и семь кило, которые я набрала на первом курсе, почти целиком на ее совести. Ресторан одновременно яркий и немножко темноватый, там уютные кабинки, на одной стене нарисованы тропики, а остальные увешаны рисунками карандашом, на столах красные липкие пятна от пролитой замороженной сангрии. Когда мы с Кэролайн влетаем, то сразу видим Мэри-Кейт, склонившуюся над телефоном в углу одной из кабинок в глубине. Наше любимое место. Тоби одной рукой обнимает Мэри-Кейт за плечи.

– Привет! – я тянусь обнять их обоих.

Мы с Кэролайн проскальзываем в кабинку и садимся напротив. Мэри-Кейт не отрывается от экрана и хмурится.

– Что такое? У тебя расстроенный вид.

– Нет, все нормально. Мы с моей рабочей женой прикалываемся над стажеркой. Пришлось ее нанять, потому что она племянница главного редактора, но одевается она просто чудовищно. Представь Ким Кардашьян в 2008-м.

Я не могу вообразить, кто в наши дни станет носить столько леопардового принта.

– Жуть.

Мэри-Кейт – редактор социальных медиа на Glamour.com, что означает – она знает, как превратить мем в вирусный, но ни разу ни с кем не поговорила, не проверив Твиттер, с тех пор как ее три года назад взяли на это место. У нее модная, слегка взлохмаченная стрижка-боб, четкая красная помада и идеальная кутикула. Сегодня на ней платье глубокого синего цвета, который подчеркивает ее глаза. Большинство ньюйоркцев, и я в том числе, носят черное, но Мэри-Кейт придерживается философии, что сплошной черный – это для лентяев. Она спокойно мне об этом сообщает. Мы дружим с первой встречи, с тех пор как она навестила Джонатана в Париже, когда мы стажировались за границей. У Мэри-Кейт и Тоби летом свадьба. Я – подружка невесты.

Тоби машет официантке:

– Можно еще миску хрустящей картошки, пожалуйста? Спасибо, милая.

– Картошки, пожалуйста? – Кэролайн передразнивает его акцент. Он англичанин. Некоторым достается сразу все.

– Чипсов, – говорит Кэролайн официантке.

Тоби мне нравится. Я с ним всегда чувствовала какое-то родство, потому что у нас примерно одна цель: сочетаться браком с членом семьи Колтонов. Пока у него выходит лучше, чем у меня; он поставил вопрос ребром в прошлом году. Тоби куда круче меня. Он основал Rolodix, приложение, которое позволяет серийным искателям свиданий вносить биографическую информацию и фотографии каждого ухажера, любовника и пары из Тиндера в стиле настольного органайзера, чтобы делиться с друзьями. (Им воспользовалась даже я, когда не смогла вспомнить, кто такой Эван: шеф, который пожарил Кэролайн свиную отбивную, или дитя трастового фонда и амбициозный директор. Выяснилось, что ни тот, ни другой; это был тот заросший парень, который позвал ее на шоу комической импровизации, которое – спойлер! спойлер! – оказалось совсем не смешным.) Тоби не только заработал на нем кучу денег, GQ назвал его «самым горячим брэгаммером по эту сторону Силиконовой долины», а The Wall Street Journal нашел «Ролодикс» «умным» и «идеально подходящим сегодняшней культуре свиданий, густо замешанной на смахивании». Я могу процитировать все по памяти, потому что это постоянно повторяет Мэри-Кейт. Жизнь несправедлива, и поэтому Тоби еще и красавчик: под метр девяносто, наполовину черный, и челюсть у него четкая, как бритва. Не будь он таким милым, его бы ненавидели из зависти.

Наши телефоны одновременно загораются: пришла эсмэска от Джонатана. «Опаздываю на 15 минут, скоро буду».

– Ох, – произносит Мэри-Кейт, закатывая глаза.

Она отводит волосы левой рукой, как обычно – с тех пор как обручилась. Я понимаю, у всех бывают тики. Нормально. Но я не замечала, чтобы она так часто крутила волосы, пока на пальце у нее не появился двухкартанный круглый

бриллиант от Анны Шеффилд в почти незаметной оправе.

– Та-ааак, расскажи про первый рабочий день! – говорит Мэри-Кейт, плеснув всем по бокалу охлажденной «Маргариты» из кувшина. «Маргарита» из «Тортуги» известна своей смертоносностью.

– Да, как все прошло? – эхом отзывается Тоби.

– Дождемся Джонатана, – говорю я. – Пусть сначала он присоединится.

Джонатан в конце концов приходит, бросает сумку «Голдман Сакс» на пол. Я встаю для поцелуя, вдыхая то, что делает его им. Он пахнет морской солью одеколону и офисными принадлежностями.

– Извините, задержался. Митч хотел, чтобы я просмотрел презентацию для сегодняшней сделки. Сказал, нужно только кое-что докрутить, но вы же понимаете, что это значит...

– Докрутить нужно было все, – заканчиваю я.

Все сводится именно к этому: Джонатан нормальный. Даже лучше, чем нормальный, – привилегированный. Он рос, поедая на завтрак оладьи, которые тут же и пекли, катался на лыжах в выходные и носил «Аберкромби и Фитч», не думая о цифрах на ценнике. Он играл в лакросс в старших классах и поступил в Колумбийский, потому что так делал его отец. Он всегда был популярным, так что мог увлекаться всякой заумью без опаски: собирал комиксы 70-х в старшей школе, вступил в команду игроков в викторины в колледже. Ему никогда не приходилось изучать ситкомы, чтобы понять, как общаются обычные семьи, или смотреть в кафетерии детского сада на крутых девчонок, не сводя с них глаз, чтобы узнать, что нормальное подают на обед. (Борщ – это явно было не круто. Облажалась.) Я до судорог хочу такой естественной нормальности, так наркоманы хотят героина. И вот, пожалуйста, передо мной метр восемьдесят образцового американца, наблюдай не хочу за его привычками, узнавай, какие фильмы должны вызывать ностальгию и как использовать «summer» в качестве глагола.

Джонатан проскальзывает в кабинку и садится рядом со мной.

– Как твой первый день? – спрашивает он, сжимая мне бедро.

Я глотаю «Маргариту».

– С ума сойти. Не верится, что мне за это платят. Я просто потусовалась с первой клиенткой, Минди, и она, честно говоря, офигенная, а потом искала парней, с которыми она могла бы встречаться.

А вот это я не могу сказать при Кэролайн: работа напомнила, как мне повезло, что я счастливо состою в серьезных отношениях.

Мэри-Кейт взвизгивает и принимается бомбить меня вопросами: «Как там все устроено? У меня есть еще клиенты? Я могу найти подружке невесты пару на их свадьбу?»

– Нет, сначала меня пристрой! – говорит Кэролайн.

– Тебе и помощь-то не нужна, – отвечаю я.

Кэролайн строит гримасу притворного замешательства.

– Но смотри: ты сидишь со своим парнем, Мэри-Кейт с Тоби, а... – она привстает и оглядывает ресторан. – Стой, я своего парня не вижу. Не знаете, где он?

– Ладно, сначала Кэролайн!

Я рассказываю Джонатану, Мэри-Кейт и Тоби про встречу с Минди, про базу «Блаженства», про то, что я уже договорилась завтра попить с Марком кофе.

– А я научила ее пользоваться Тиндером, – говорит Кэролайн. Потом перегибается через меня и говорит Джонатану: – Прости, чувак.

– Эй, если все будут знать, что она занята, я без вопросов, – пожимает плечами Джонатан.

– Ты уверен? – спрашиваю я.

Диковато ставить его в такое положение. Я не знаю никого, кто по работе загружал бы приложения для знакомств. Мы с Джонатаном говорили об этом после моего обучения, и он сказал, что все в порядке, но я все равно волнуюсь, вдруг его это заденет.

Он обнимает меня одной рукой.

– Конечно. Я же знаю, что ты моя девушка.

От слов «моя девушка» у меня внутри до сих пор становится тепло, и я таю. Я его люблю.

– Саша, я за тебя так рада, – начинает Мэри-Кейт, и я знаю, что дальше последует весомое «но». – Но разве для того, чтобы стать матчмейкером, не нужен опыт? С чего бы кому-то нанимать незамужнюю двадцатидвухлетнюю девчонку, чтобы выйти замуж?

– Так молодых матчмейкеров берут специально. Моя начальница сказала, что ищет тех, у кого действительно был секс за последние десять лет.

Джонатан откусывает половину чипса, который держит в руке, с громким смачным хрустом.

Мэри-Кейт строит кислую рожу.

– Фу.

– Но она права, зай, – говорит Джонатан. – В смысле, до меня ты ведь толком ни с кем не встречалась.

– Неправда. Я ходила на свидания.

– Точно, но никого стоящего, – замечает Кэролайн.

– Смотрите, нам еду несут, – говорит Тоби, сдвигая «Маргариты», чтобы официантка могла поставить тарелки с буррито и кесадильями.

Поздно волноваться, что у меня недостаточно навыков для работы матчмейкером. Я сделаю все, что потребуется, – у меня нет выхода.

Глава 4

После ужина мы расходимся. Мэри-Кейт и Тоби отправляются домой, чтобы предаться ночному просмотру «Нетфликса», или чем там занимаются в пятницу вечером помолвленные пары. Мы с Кэролайн заскакиваем к себе, чтобы переодеться. Сегодня день рождения у девушки, которую мы знаем по колледжу, но мы собираемся на выход не поэтому. Мы идем, потому что вечеринка будет на крыше в Нижнем Ист-Сайде, что означает – нам гарантированы головокружительные виды на город, отрада глаз крутой модной девушки и ощущение правильно проведенного летнего Нью-Йоркского вечера. Джонатан после ужина метнулся закончить «пару пустяковых дел» в офисе, но обещал, что потом присоединится к нам, если сможет.

Три смены нарядов, две вазочки пино гриджо и одно исполнение «Wannabe» хором со Spice Girls спустя – мы с Кэролайн готовы выдвинуться. Я в черном платье на ляпочках, с кулоном на длинной цепочке и в босоножках на каблуках, одолженных у Кэролайн. Она в белом кожаном топе с опасно глубоким вырезом и в половине мотка липкой ленты для поддержки груди.

Мы позволяем себе роскошнейшую роскошь – такси. Кэролайн пишет Уэсли, парню из Тиндера, с которым она пару раз встретилась на этой неделе, хотя я не понимаю зачем. Судя по фоткам, которые я видела, он для нее слишком бруклинец. Пол-лица сожрано бородой, а руки покрыты цветными татуировками, о которых любой уважающий себя человек тут же начал бы жалеть (Пикачу, эмодзи-баклажан, прыгающий дельфинчик).

Когда такси тормозит у обочины, Кэролайн взмахивает картой, даже не поговорив со мной.

– Я тебя довезу обратно, – говорю я, глядя, как она стучит по экрану, чтобы оставить двадцать процентов чаевых.

- Да ладно, - пожимает плечами она.

Может, я возьму на себя следующее такси или бутылку вина, но она не заметит и не будет переживать, если нет. Я правда хочу все вернуть, чтобы как-то смягчить вину: я сказала, что заплачу, поэтому надо заплатить. Я уже достаточно порезвилась за ее счет. Мы как-то и не обсуждаем, что я вношу чуть меньше честной половины за квартиру, а она отдает чуть больше. Если она собирается за шампунем, то всегда спрашивает, что мне захватить. Думаю, ей неловко, что она получает от родителей деньги, а я нет, поэтому она ни разу об этом не заговаривала, а я ей никогда не мешала.

Вечеринка выплеснулась с дорожки на Ривингтон-стрит на тротуар. Сто лет назад в этом районе было полно еврейских пансионатов, которые трескали под напором иммигрантов, но сегодня тут сплошь модные клубы и бутики винтажа, в которых порванные майки с Тупаком продаются за триста долларов, и кирпичные лофты, где живут независимые богатые модели и диджеи. На тротуаре стоит стайка девушек в платьях в обlipку, туфлях на платформе и чокерах. Похожи они на неместных, приехавших на летнюю стажировку.

- Ну что, зайдем? - нервозно спрашивает одна.

- Не знаю, пустят ли нас, - отвечает другая.

- По-моему, ты сказала, что знаешь кого-то, кто знает хозяйку? - вступает третья. - Как ее зовут?

- Нет, я вроде как знаю кого-то, кто знает кого-то, кто знает девушку, у которой вечеринка. Думаете, это нормально?

- Вы к Виктории, вверх? - спрашивает Кэролайн, вклиниваясь между ними.

Девушки с широко распахнутыми глазами оборачиваются к ней.

- Да, а откуда вы знаете?

- Поднимайтесь. Все в порядке.

Кэролайн взбирается на крыльцо и находит звонок в 4В. Кто-то включает домофон, пуская нас внутрь, и она толкает скрипучую входную дверь в облупившейся коричневой краске. Холл озарен резким флуоресцентным светом. Кэролайн ведет нас по крутой, как на складе, лестнице, три девушки плетутся следом. У них тонкие длинные ножки и волдыри под ремешками туфель. Мимо нас спускается по лестнице несколько человек с открытыми банками пива и сумками от Стеллы Маккартни – эконожа, ручки из цепей, – которые есть буквально у каждого в этом районе. Лестница идет все вверх и вверх, мои бедра уже горят. Я слышу наверху гул музыки. Мы проходим мимо квартиры 4В на четвертом этаже и наконец после шестого добираемся до тяжелой, промышленного вида двери, на которой четко написано: «Не входить». Кэролайн открывает ее, и меня оглушают звуки вечеринки.

На крыше столпились человек сто – или двести. Они разбиваются на группки по три-четыре человека, разговоры висят неясным облаком, я слышу пронзительные вскрики: «Привееет!» – когда встречаются девушки. Играет Дрейк. Крыша бетонная, на стене красные и фиолетовые граффити. Открывается потрясающий вид на Всемирный торговый центр, озаренный серебристым и голубым мерцанием на фоне ночного неба. Внизу я вижу посетителей баров, толкущихся у дверей, и девушек в коротких топах, стоящих в очереди возле клуба, за бархатным канатом. На улицах скучают такси. Воздух слегка отдает дымом. Вот поэтому люди каждый год тянутся в Нью-Йорк и никогда, никогда его не покидают.

Кэролайн достает из сумочки пачку сигарет и подносит одну к губам. Роется в сумочке в поисках зажигалки, и парень в ироничной гавайке, стоящий в одиночестве, с готовностью пользуется возможностью:

– Огоньку?

Она улыбается и склоняется к нему. Вспыхивает пламя, парень прикрывает его ладонью, дожидаясь, чтобы занялась сигарета. Судя по виду, он ждет, что Кэролайн что-то скажет, но она вместо этого поворачивается ко мне и протягивает пачку:

– Будешь?

Я бы взяла, но Джонатан терпеть не может, когда я курю, а я поспорить готова, он скоро будет здесь. Я говорила Джонатану, что курю, только когда крепко выпью с Кэролайн, но я не сказала, что пьем мы почти каждый вечер. Сигареты Кэролайн выглядят очень притягательно, но я отказываюсь. Жаль, что приходится. Она обходит меня, чтобы не дымить мне в лицо, и позволяет парню в гавайке попытаться произвести на нее впечатление пару минут, а потом ласково касается его руки и говорит, что ей нужно поздороваться с подругой. Обещает, что тут же вернется. Но этого, разумеется, не случится.

Мы пробираемся среди гостей с обязательными «приветами» тем, кого знаем по колледжу. Виктория, именинница, одета в красный комбинезон с глубоким вырезом, к которому очень подходят два пластиковых стаканчика, которые она сжимает в руках, и блестящая тиара со словом «Дива». Мы по выходным почти всегда бывали в колледже на одних и тех же вечеринках, но никогда не разговаривали трезвыми или среди дня. Виктория насаждает на тощего парня с ноутбуком и наушниками, требуя, чтобы он поставил «22» Тейлор Свифт.

– Мне плевать, что ты считаешь, что песня не сочетается с духом вечеринки, – настаивает Виктория, топая туфлей на шпильке. – Это моя вечеринка, и я хочу ее услышать!

Я трогаю ее за плечо, и она разворачивается, а ее злость растворяется, превращаясь в радостную улыбку. Взгляд у нее не фокусируется. Она в хлам. Виктория ставит стаканчики на ближайший стол и раскидывает руки, чтобы нас обнять. Ее цветочные духи убивают все живое. Мы с Кэролайн поздравляем ее с днем рождения.

– Саша, я видела на Фейсбуке совершенно безумную новость, – говорит Виктория, поднимая стаканчики и отпивая из одного. – Что ты вроде как стала матчмейкером?

Я не могу не улыбнуться.

– Да, я только что начала работать в службе знакомств.

На наш разговор подтягиваются друзья Виктории. Но мы не были особо близкими подругами. Раньше они на меня внимания не обращали.

Девушки засыпают меня вопросами и просят познакомиться с кем-нибудь. Я начинаю объяснять, как устроено «Блаженство», но Кэролайн прерывает меня на полуслове.

– Она вам не по карману, – высокомерно объявляет подруга.

Вот об этом Пенелопа и говорила, когда сказала, что работа матчмейкера дает самую большую в мире власть. Со мной внезапно все рвутся поговорить, просто потому что я занимаюсь делом покруче, чем ведение блога за гроши или ассистирование продюсеру. Я понимаю, дело в работе, а не во мне – никто на самом деле не хочет со мной дружить, – но это едва ли не лучше, чем заводить друзей. Это социальный капитал, и сегодня вечером он придает мне важности. Кэролайн сжимает мне руку и говорит, что ее Уэсли из Тиндера тоже здесь. Она скрывается в толпе.

– Что, ты ей тоже кого-то нашла? – спрашивает Виктория.

Я не успеваю ответить, мой телефон загорается: звонок от Джонатана.

– Я пришел, ты где? – спрашивает он.

Мне сразу легчает. Я поднимаюсь на цыпочки, чтобы лучше видеть. Встречаюсь с ним глазами, он кивает и пробирается через толпу ко мне.

– У тебя и крутая работа, и парень есть? – спрашивает Виктория с отвисшей челюстью. – Ох. Пойду, еще выпью.

Джонатан по-прежнему в костюме, а на плече висит сумка «Голдман Сакс». Я понимаю, что он, наверное, самый успешный мужчина на вечеринке – и это приятно. Может, не самый богатый (здесь Руби «Папа Купил Мне Компанию» Хофман, и, по слухам, по крайней мере один саудовский принц), но карьера у него точно самая впечатляющая. Именно сейчас, вот в эту секунду, он выглядит неприлично круто; все остальные парни на вечеринке в каких-то футболках с надписями, найденных в глубинах магазинов, торгующих винтажом, или еще хуже – в псевдохипстерских рубашках из шамбре, купленных в «Урбан Аутфиттерс» за полную стоимость.

- Ты слишком шикарно одет, - говорю я, коротко целуя его.

- Тебе это нравится, - отвечает он с ухмылкой.

Рука его лежит на моем крестце, пальцы гладят попу. Соседки Виктории смотрят на нас голодными глазами.

Мы направляемся к столу с напитками выяснить, что там осталось из выпивки. Липкие пустые бутылки из-под рома, смятые пустые коробки от пива и перевернутая банка клюквенного сока, из которой на бетон стекает грустная лужица. Я отгоняю от открытой водки муху и наливаю нам выпить. Осталось чуть-чуть лимонада, больше разбавить нечем. Джонатан морщится, глотнув.

- Не строй таких рож, - говорю я. - Это дурно сказывается на моей репутации русской.

- Думаю, Путин на тебя не рассердится.

- Маме моей это скажи. Она вмешается и заменит тебя каким-нибудь Дмитрием или Ильей - как нечего делать.

Я щелкаю пальцами для большей выразительности.

- Да ладно. Не заменит.

Стива, моего отчима, Джонатан обаял, а вот с мамой у него не получается. Она не понимает, зачем мне вообще парень - она в мои годы убила бы за свободу или открытую охоту. («Посмотри, сколько перед тобой возможностей!» - как-то заголосила она, забыв про то, что я вообще-то не купаюсь в мужиках, которые хотят со мной отношений.) Я предупредила Джонатана обо всем этом еще до того, как они познакомились, так что он с удвоенной силой включил обаяние. Все пошло не так: он показался ей каким-то слишком гладким, словно актер.

Джонатан начинает объяснять финансовую концепцию, лежащую в основе последней рабочей сделки, и из этого вырастает история греческой экономики за последнее столетие, что напоминает ему о необходимости рассказать про двоюродного брата Харрисона, которого арестуют за непристойное поведение в

общественном месте, если он когда-нибудь вернется на Миконос, а это приводит к изложению того, что он узнал про Нью-йоркские законы об обнажении, раз уж ему пришлось когда-то в них заглянуть. Это я, в частности, так в нем и люблю. Он впитывает подробную, сложную информацию как губка и может до бесконечности бродить по таким перекрестным ссылкам. Иногда мне приходится возвращать его в нормальное русло, но я не хочу, чтобы он менялся. Он мне и личная библиотека, и Википедия, и Гугл, все в одном.

Когда мы с Джонатаном только познакомились, я все боялась, что он выдернет из-под меня коврик, когда я меньше всего этого буду ждать. Бывало, я просыпалась страшно злая, уверенная, что он меня как-то предал – соврал, изменил или унижил, – и понимала, что какой бы кошмар я ни сочинила, это был всего лишь сон. Нужно было научиться расслабляться, радоваться ему.

К нам направляется Кэролайн, увлекая в кильватере бородатого татуированного Уэсли. Видение в коже: она вот-вот выплеснется из своего топа, а на нем черная косуха. Его темные волосы выбриты ежиком по бокам, а сверху заглелены и крылом торчат над левым ухом. Передний зуб у него со сколом, цыплячьи ключицы торчат из свободного треугольного выреза футболки.

– Ну, просто я такой ребенок девяностых, – говорит Уэсли Кэролайн. – Слушай, ну с ума же сойти. Лучшие годы были. В смысле, Blink-182 – это вышак, чувак, понимаешь?

Я вспоминаю, что Кэролайн мне говорила, что он только готовится поступать в колледж. Он, поди, только ходить учился, когда Blink-182 были популярны.

– Я знаю, ты мне говорил, – голос у нее скучающий. – Ребят, это Уэсли. Уэсли, это моя соседка Саша и ее парень Джонатан.

– Привет, чуваки.

Он все говорит и говорит, очень громко, о том, что он – дитя девяностых. Когда никто не реагирует, он неловко озирается и принимается рассказывать другую историю.

– Утром было небольшое похмелье, вставать не хотелось, но тупой кот соседа наблевал в коридоре, и сосед так орал, когда пытался за ним убрать, – говорит

парень, опасно качнувшись в мою сторону.

Я делаю вежливый шагок назад. Он придвигается ближе, продолжая бубнить.

– Меня от этого прям замутило, но я сдержался, потому что опаздывал на встречу с одной мамочкой в Верхнем Вест-Сайде. Она хочет, чтобы я снимал праздник в честь пятилетия ее ребенка. Она из тех мамочек, которые целый день ходят в штанах для йоги и кроссовках, даже когда не занимаются, сечешь, о чем я? Не поймешь их. Но я ехал из Бруклина, и поезд сильно опаздывал, так что...

Я слегка склоняю голову в сторону и смотрю на Кэролайн, вытаращив глаза и стиснув зубы, пытаюсь донести до нее простую мысль: «Что это, твою мать, за чувак?»

– Уэсли? Может, расскажешь Саше и Джонатану о своем искусстве? – мягко спрашивает Кэролайн. Потом обращается ко мне: – Он правда очень талантливый художник. Я видела его работы.

– А, да. Я снимаю скульптуру, ручную работу. Только что продал триптих одной независимой галерее – я как-то покурил, и мне пришло в голову, что можно поджечь ломтики сыра для бургеров. Он тает, им можно капать на всякое дерьмо, и получается крутяк. Так что я накапал на игрушечную гоночную машинку, на куклу Барби, на кукольный диван. Это такая история, что общество просто индоктринирует детей капиталистическими ценностями прямо с рождения, понимаете?

Тишина, которая повисает следом, как-то длинновата. Я смотрю себе на ноги.

– Он очень талантливый, – говорит Кэролайн, поворачиваясь и прижимая руку к его груди.

Наверное, она пытается ему улыбнуться, но радость не затрагивает глаза.

– Как увлекательно, – произношу я.

– А ты, чувак, чем занимаешься? – спрашивает Уэсли, хлопая Джонатана по руке.

- Ничего настолько же творческого, - отвечает Джонатан.

Дипломатичен, как всегда.

Уэсли оценивает костюм Джонатана, хмурится.

- Ты что, риелтор какой-нибудь или что-то такое?

- Нет.

Джонатан сдерживает смех.

- А что тогда?

- Финансовая сфера.

- А, вон чего. И что это, типа, значит?

- Работаю в одном крупном инвестиционном банке.

- Каком?

- Одним из тех, что в центре, - тихо произносит Джонатан, отпивая из бокала.

- Чувак, ты из ЦРУ, что ли? Как называется?

Уэсли раздражается.

- «Голдман Сакс», - отвечает Джонатан; ему как будто неловко это выговаривать.

Ничего подобного, конечно. Это игра на поражение. Так выпускники Гарварда говорят, что учились в Бостоне, а миллионеры скажут, что не бедствуют. Джонатану нравится растягивать процесс сообщения окружающим, где он работает. Я знаю, он втайне ловит кайф от того, как у всех распаиваются глаза и вытягиваются лица, когда он в конце концов раскалывается. Если бы он и в

самом деле чувствовал неловкость, то не устраивал бы каждый раз, как знакомится с кем-то, эти танцы.

Уэсли щурится и кивает.

– Ну, лишь бы тебе было хорошо, чувак... Но тебя не напрягает, как крупные банки швыряют миллионы, которые людям достались тяжелым трудом, под автобус – с этим кризисом закладных?

Джонатан берется отвечать, но Кэролайн спешит скруглить углы.

– А Саша только что начала работать матчмейкером! Разве не круто?

В ее голосе слышна паника.

Уэсли не обращает на нее внимания, решив разобраться с Джонатаном. В споре он выглядит не очень – совсем никак, – но внезапно смотрит на часы в телефоне.

– Вы слушаете «Праведную плесень»? – спрашивает он.

– Что, прости? – отвечаю я.

– Группу.

– А. Нет, я о них не слышала.

– У меня сегодня на них билеты, и мне пора бежать. Тут за углом концерт в час. Саша, Джонатан, все ништяк. Кэролайн, ты просто сон наяву.

Он выливает в себя остатки из бокала, потом внезапно хватается Кэролайн за плечи, целует и исчезает в толпе.

Несколько очень долгих секунд все молчат, осваиваясь с отсутствием Уэсли. Диджей наконец сдался и поставил Тейлор Свифт. Виктория с подружками орут, подпевая «22», перед толпой, собирающейся у стены с граффити. Несколько раз вспыхивает камера чьего-то айфона. Фотографии будут на Фейсбуке, в Твиттере,

Инстаграме и Снапчате уже через пять минут.

Кэролайн первой нарушает молчание:

- Он вам не понравился.

Когда дело доходит до неудачников, с которыми она встречается, я стараюсь вести себя осторожно. Я знаю, ей неудобно от того, в каком свете они выставляют ее саму.

- По-моему, ты заслуживаешь лучшего, - говорю я.

- Куда лучшего, - добавляет Джонатан.

- Эх, думаете, я этого не знаю? Он жуткий. Они все жуткие. Все свободные.

- Должен же быть в мире кто-то не отстойный. Ты с ним встретишься, обещаю.

Звучало бы свежее и убедительнее, если б я не произносила это уже миллион раз.

- Да идите вы оба в жопу, - срывается Кэролайн. - Вы не знаете, каково это быть одинокой и быть все время одной.

Она хватает зажигалку, лежащую на ограждении крыши, закуривает сигарету и дуется. Джонатан отмахивается от дыма.

- Как я превратилась в какого-то бездушного киборга с Тиндера? - ноет Кэролайн. - Я встречалась со столькими парнями и не смогла себя заставить - мне никто не нравится. Как будто со мной что-то не так.

- Нет, ты просто выбираешь парней, которые тебя не заслуживают.

- Я понимаю, это как в «Чем хорошо быть никому не нужной»: мы принимаем любовь, которой мы, по нашему мнению, достойны. И я знаю, что я офигенная, так почему я встречаюсь с такими идиотами?

Я слушаю, киваю и успокаиваю ее еще несколько минут, пока Джонатан не смотрит на меня Тем Самым взглядом, означающим, что нам пора. Мы едем в центр, а Кэролайн на север, так что смысла брать одно такси на всех нет. Я прошу у Кэролайн прощения, что ухожу.

- Да ладно, - отвечает она.

Она затягивается, и у нее обозначаются острые скулы. Дым она выдувает длинной струей прямо в небо.

Джонатан тянется взять меня за руку, но я невольно шагаю к Кэролайн.

- Хочешь, я останусь с тобой? - спрашиваю я.

Знаю, что хочет. Когда мы учились на первом и втором курсах, мы дожидались, пока вечеринка не угаснет, а потом падали в ближайшей закусочной и жрали омлет. Но это было давно. Сегодня я просто хочу отрешиться от шума вечеринки и забраться с Джонатаном в постель. Это неписаное правило: когда у тебя появляется парень, он становится твоим главным человеком, а лучшая подруга... не то что не так важна, но просто это другая важность. Они занимают в твоей жизни разные места. У Кэролайн никогда не было парня всерьез, поэтому она не понимает.

Она вздыхает.

- Нет, ты хочешь уйти. Иди. Пока.

Мне не по себе от того, что я ухожу и оставляю ее одну, но от каблучков болят ноги, и я знаю, что у Джонатана был длинный день. Пора идти. В такси по дороге к Джонатану я сползаю на сиденье и кладу голову ему на грудь. Слушаю, как бьется его сердце. Веки тяжелеют, я чувствую, как проваливаюсь в спокойный сон. Все - наконец-то - как надо.

Когда я в понедельник утром просыпаюсь в постели Джонатана, в Тиндере меня ждет сообщение от Адама. Джонатан перекачивается, чтобы отключить будильник, и мычит невнятное: «Мрррффф». По утрам он никакой. Обычно он засыпает еще пару раз, но сегодня, наверное, важное совещание, потому что он действительно выбирается из постели и бредет в душ.

Его квартира в Вест-Виллидж с одной спальней и видом на Всемирный торговый центр. К двери скотчем приклеена карта парижского метро – на память о нашем семестре за границей. Высокотехнологичный шведский матрас накрыт сбившимся темно-синим одеялом. Диплом стоит в книжном шкафу, забитом учебниками по экономике и старыми комиксами. Голубой флакон морского одеколona, золотые часы, доставшиеся от дедушки, рабочие бумаги и личные телефоны разбросаны по тумбочке.

Я ненавижу утро не так сильно, как Джонатан, но я тоже не привыкла начинать рабочий день в 6.45 – по-моему, переписка с Адамом в Тиндере сойдет за начало трудового дня.

Вижу, ты любишь TLC. Что еще я должен знать кроме того, что у тебя безупречный музыкальный вкус?

Смешная штука эта потеря головы – может приключиться, даже когда лежишь в постели. В постели своего парня. Это просто безобидный рабочий флирт. Адам считал отсылку к «No Scrubs» для мужчины это довольно продвинуто. Что до «что еще я должен знать», я, наверное, должна сказать, что я матчмейкер, но просто не соображу, как вставить это в разговор. Он-то мне ой как нужен для Минди, и я не хочу его спугнуть.

Я делаю скриншот сообщения и отправляю Кэролайн, прося помощи, но она не встанет еще часа три-четыре. Сегодня встреча со всеми матчмейкерами в «Блаженстве», так что я смогу попросить у них совета, как поступить с Адамом. Мне надо как-то убить время, пока Джонатан в душе, так что я захожу в Инстаграм девушки, которую знаю по университету; она проводит лето между Ибицей и Женевой, работает нянкой в европейской королевской семье. Выглядит загорелой. Я завидую.

Тут я и слышу щелчок двери ванной. На плечах Джонатана капли воды, которые стекают к белому полотенцу, завязанному на тонкой талии. Я прижимаю телефон экраном к груди и сажусь в постели.

- Угадай, что случилось, пока ты был в душе?

- Что?

- Мне написал парень, которого я заметила для Минди!

- Ух ты, отлично!

Он вынимает из шкафа темно-синий костюм и одну из восьми одинаковых белых сорочек – тех, что не нужно гладить, потому что мама за него это больше не делает, – и кладет все на постель. Снимает полотенце. Выглядит он, конечно, по-прежнему потрясающе, но целый год работы допоздна, когда нет времени на зал, и корпоративные излишества слегка округлили суховатую фигуру.

- Знаешь, это даже заводит: представлять, как другие мужики на тебя слюной капают в Интернете.

Он качает головой и ухмыляется.

Я не знаю, что ответить, но мне не нравится выражение его глаз.

- Сглазишь.

- Хочу поглядеть, кто пристаёт к моей девочке в Тиндере, – говорит он, делая движение к моему телефону.

Я протягиваю ему мобильник, закусив губу. Он смотрит на мой скудный список совпадений и переходит в профиль Адама, склонив голову набок.

- Э. Вот про этого не уверен. В смысле бабушка у него вроде милая.

- А что с ним не так? Для тридцати трех лет милашка.

– Ну он такой... человек искусства?

Я скрещиваю руки на груди и закатываю глаза.

– Что ты знаешь о том, как снимать мужиков-натуралов?

– Ну, может, ты и права, – он поднимает угольно-серый полосатый галстук и гладкий синий. – Какой тебе больше нравится?

Я выбираю серый. Меня немножко раздражает, что Джонатану не понравился Адам. Я и так уже нервничаю из-за встречи с Марком и совещания в «Блаженстве»; а из-за того, что Джонатан не в восторге от Адама, мне только хуже.

Я привожу себя в порядок, чищу зубы щеткой, которую держу у Джонатана, впрыгиваю в джинсы и топ, завязываю волосы в хвостик. Джонатан надевает пиджак, раскладывает по карманам личный айфон, корпоративный блэкберри и бумажник. Хлопает себя по карманам, чтобы удостовериться, что ничего не забыл.

– Алекса, гаси свет, – велит он голосовому помощнику и выбегает из квартиры. – Саша, идем, – зовет он меня тем же тоном.

Мы спускаемся на лифте в вестибюль. Снаружи тротуары забиты медленной туристической толпой. Джонатан хватается за руку и быстро тащит через толпу; ноги у него ненамного длиннее моих, но мне всегда приходится почти бежать, чтобы угнаться за ним. Ему терпения не хватает ни на кого, кто движется медленнее нескольких световых лет в секунду.

Когда мы добираемся до метро, я желаю ему удачно увернуться от того, чтобы управляющий директор срывал на нем злость: развод – жуткая штука. Он желает мне удачи с Марком.

Джонатан занимает положение у подножия тотемного столба «Голдман Сакс», которое означает, что его внимания требует Очень Важная Работа – с той минуты, как он проснулся, до той, когда свалится после полуночи. Технически он просто занимается таблицами в «Эксель» и составляет подробные презентации в

«ПауэрПойнт», но настоящая работа – выглядеть как можно более занятым и напряженным, когда он у босса на глазах, что из-за того, как спланирован офис, бывает постоянно. То есть он приходит рано, остается допоздна и никогда ни за что ни с кем не переписывается. Ужасно, я целый день не могу с ним поговорить. Даже когда мы видимся, он пишет боссу имейлы из постели. Иногда я пытаюсь с ним разговаривать, но его отсутствующий взгляд сообщает, что голова у него занята работой, а не мной. Роман с банкиром – это не для всех, но я бы и не стала встречаться просто с банкиром. Когда Джонатан может выйти из рабочего режима и стать собой – ботаном, в которого я влюбилась, – все жертвы оказываются оправданны.

Мы выходим из поезда на Чеймберс-стрит, и за нами захлопывается дверь. Мы пробираемся по станции, гребем сквозь пар от потных пассажиров, мужичков из Коннектикута, размахивающих портфелями, и молодых людей в жестких костюмах.

Посреди толпы ньюйоркцев, туристов, среди халяльных прилавков Джонатан обнимает меня за талию, целует, и весь мир пропадает. Я наслаждаюсь тем, что все его внимание отдано мне. Каждый поцелуй как подтверждение: да, я выбрал тебя.

Джонатан отправляется на работу, а я иду в «Старбакс» встречаться с Марком. Едва я захожу, меня разрывает на части. Кафе окружено несколькими инвестиционными банками, юридическими конторами и консалтинговыми фирмами, и на первый взгляд человек пять могут оказаться Марком. Если разобраться, чем один темноволосый мужик в костюме отличается от другого? Я встаю в очередь и нервно барабаню впереди стоящего мужчину по плечу, надеясь, что это он. Тот оборачивается, и в глазах мелькает узнавание.

– Марк?

Кажется, ему немножко неловко здесь находиться, но он протягивает руку и крепко жмет мою. К счастью, выглядит он почти точно так же, как на фото. В Сети он утверждает, что в нем метр восемьдесят, но по моим прикидкам сантиметров на пять меньше. Я мысленно ставлю галочку: привирает. Мы заказываем кофе, и он выбирает столик в глубине, подальше от толпы мужчин в костюмах. Пригибается к столу, поднимает плечи и переплетает толстые пальцы.

– Так, ну и что у нас?

Я начинаю представление, объясняя, как работает «Блаженство» и почему я посчитала, что он может оказаться хорошей парой для моей клиентки; Минди я пока не называю, защищая ее анонимность.

– Вы не возражаете, если я задам вам пару вопросов? – продолжаю я, вынимая телефон, чтобы делать заметки.

– Конечно, но можно говорить потише, я буду очень вам признателен. – Он кивает в сторону мужчин в очереди. – Мои приятели, мы работаем вместе... они постоянно тут крутятся. Я не хочу, чтобы они что-то не так поняли. Знаете, я без проблем самостоятельно знакомлюсь с девушками.

В мои намерения не входит его унижать. Но сама мысль о том, что я могла бы... не часто достается такая власть над всей этой финансовой братией. Ну, над одним из них. Я понижаю голос и прошу, чтобы он рассказал о работе. Это нейтральное, не вызывающее стресса начало беседы, которое смягчает людей перед серьезными вопросами.

Он в двух словах объясняет свои обязанности в «Голдман Сакс», отказываясь вдаваться в подробности.

– Вам ведь ни к чему всякие мелочи, да? На них обычно никто не обращает внимания.

Я напряженно улыбаюсь. «Эй, козлина, я могу разобраться, что к чему в твоей поганой работе в банке. Я как-то занималась сексом в конференц-зале „Голдман Сакс“, понял?»

– Можете рассказывать все, что сочтете нужным.

Я не говорю ему про Джонатана.

– В основном я оцениваю риски при слияниях и поглощениях на европейском рынке.

– ЕМЕА? – спрашиваю я. Произносится в одно слово: и-ми-а.

Он смотрит на меня с новым интересом.

– Вообще-то да. Откуда вы...

– Европейские, Ближневосточные и Африканские рынки, – спокойно отвечаю я.

Джонатан в «Голдман Сакс» оценивает риски для иностранных дочерних компаний американских корпораций. Нельзя два года встречаться с инвестиционным банкиром и не хвататься жаргона.

Я перехожу к его жизни вне работы. Он выдает список хобби – пробежки вдоль Гудзона, игры с племянниками, тестирование ресторанов и баров по всему городу, – который представляет собой полупереваренный профиль на «Блаженстве». Прежде чем я спрашиваю о том, какой тип женщин ему нравится, он сует в рот кусок бананового хлеба и продолжает говорить с набитым ртом.

– Слушайте, я занятой человек. У меня нет времени на просто свидания. Так что я избирателен в том, с кем проводить время, – я встречаюсь только с очень красивыми женщинами. Девятками, десятками. Восьмерками, если тянет опустить планку. – Он осторожно меня оглядывает, оценивая. – Она должна быть блондинкой, очень худой, с очень большой грудью.

Он изображает, как будто держит в потных ладошках тяжелую грудь.

– Никого старше тридцати. А, и еще она должна сама хорошо зарабатывать, если только она не модель, тогда я не против раскошелиться.

Марку, может, и нужна Барби, но сам он явно не Кен. Я смотрю на мешки под глазами, на неприлично большой логотип Prada на дужке очков. Он не то чтобы нехорош собой, но он явно заблуждается, если считает, что от желания с ним встречаться умирает целая толпа двойников Кейт Аптон. У меня жутковатое ощущение, что у него и моего папы схожий вкус в отношении женщин.

– Эм, – говорю я, специально отхлебывая кофе, чтобы выгадать несколько секунд. – Поняла. У вас очень высокие стандарты. А какие-нибудь предпочтения

относительно человеческих качеств?

– Чтобы не была похожа на мою бывшую, – шутит он, выдавливая улыбку.

Рассказывает про «психованных», «истеричных» и «иррациональных» женщин. А потом сбрасывает бомбу.

– После нашего расставания я за семь месяцев ходил на сто пятьдесят свиданий через Тиндер. По субботам я их ставил подряд: кофе попить, сходить на «счастливый час» в бар, поужинать. Самую горячую приберегал напоследок – девушка для позднего вечера. Так кто у вас для меня на примете?

Слова на долгую неловкую секунду повисают в воздухе. В Сети Марк казался вполне подходящим, но теперь напротив меня сидит неандерталец. Я что, настолько плохо разбираюсь в людях? Когда я отправляла резюме, я гадала, как «Блаженство» удерживается на плаву. Кто согласится платить столько за то, чтобы кто-то незнакомый ради тебя просеивал Тиндер? Но если на арене свиданий в Нью-Йорке полно таких, как Марк, все обретает смысл. Конечно, успешные женщины вроде Минди заплатят сотни или тысячи долларов ради малейшего шанса, что матчмейкер найдет парня их мечты. Если выбирать между тем, чтобы отбиваться от мужиков типа Марка в одиночку, или заплатить кому-то, то, ясное дело, выберешь «Блаженство». Сколько раз я слушала истории Кэролайн о катастрофических свиданиях: с неудачником, который сорок пять минут, как глухарь, говорил о себе, прежде чем спросил, кем она работает; с пьяным уродом, который наблевал на нее, как из брандспойта, в баре; с козлом, который рассказал анекдот об изнасиловании.

– Марк, очень рада была познакомиться, – завершаю я, поднимаясь и пожимая ему руку.

Следующую реплику я целиком заимствую из обучающего курса Пенелопы, и она вылетает сама собой:

– Никто из моих клиентов в настоящее время не отвечает вашим требованиям, но я непременно дам вам знать, если в будущем кто-нибудь появится.

Я втягиваю живот и пробираюсь сквозь группку пузатеньких финансистов к выходу из «Старбакса» – со всей грацией, на которую способна. Я зла, и не

только на Марка, но на всех мужиков в мире, которые думают и ведут себя, как Марк. Если бы я не была счастлива с Джонатаном, мне бы нужно было иметь дело вот с такими кретинами. Но долго раздумывать об этом некогда, потому что надо бежать в центр на еженедельное совещание матчмейкеров «Блаженства».

Я успеваю в особняк как раз вовремя. В период обучения я поняла, что матчмейкеры встречаются, чтобы рассказать друг другу об успехах, обсудить вместе возможные пары и проработать проблемы с клиентами. В большой столовой собрались с десяток молодых женщин, с большинством я незнакома, а они друг с другом не разговаривают. Вместо этого они заняты гаджетами: кто-то сгорбился за ноутбуком, кто-то пишет сообщения, кто-то ходит за разговором по комнате. Пенелопа сидит во главе стола, глаза ее прикованы к телефону, она умудряется набирать сообщения, одновременно кивая в ответ Элизабет. Я не знаю, где сесть, поэтому глупо торчу в дверях. Меня, похоже, никто не замечает.

Я боялась собрания с тех пор, как Пенелопа о нем впервые упомянула во время обучения. Я не люблю встречаться с незнакомыми людьми в таких больших количествах. Это действует на нервы и напоминает самый большой страх в школе: что я войду в кафетерий и мне не с кем будет сесть. Конечно, я в этом уже должна была стать профессионалом, потому что мне частенько и не было с кем сесть, но дикий страх провала, пузырящийся в животе, никуда не делся.

Как-то раз в старшей школе я совершила ошибку – замешкалась у столика популярных девочек. Предводительница стаи, по-настоящему красивая блондинка по имени Лея, которая через год сломала идеальный ровный нос, слишком резко выбросив вверх ногу в канкане, подозвала меня и растянулась в идеальной улыбке дочери зубного врача. Она попросила меня составить ей компанию за обедом; я, словно оглушенная, поставила поднос на свободное место между ее тупым парнем, хоккеистом Томом, и ее подругой Мариссой. Когда я села, девчонки захихикали. Я почувствовала, как у меня загораются щеки, как возникает яма в животе. Что я сделала не так?

– Можно подумать, мы когда-то позволяли какой-то швали из трейлера сидеть с нами за столом, – усмехнулась Лея.

Губы у нее искривились, обнажив зубы, и она превратилась в уродину.

Она слегка кивнула Тому, и он пихнул мой поднос локтем, достаточно сильно, чтобы опрокинуть его мне на колени. Когда паста с томатным соусом впитывалась в белые джинсы, я увидела, как Лея быстро отвернулась, сдерживая смех и прикусив губу, отказываясь встречаться со мной глазами.

Но тут-то работа. А не мерзкая школа. Я делаю глубокий вдох и сажусь на свободный стул рядом с Элизабет. Она улыбается и отодвигает лэптоп, чтобы освободить место для моих вещей. Я достаю телефон и пишу Кэролайн, чтобы тоже выглядеть занятой.

Минуту спустя Пенелопа просит внимания.

– Дамы, замечательная новость. Я хотела бы представить нового члена нашей команды, Сашу Голдберг. Она выпускница Нью-Йоркского университета, который окончила в этом году, и ей есть что нам предложить. В настоящее время она работает с Минди Каплан.

Я неловко машу. Матчмейкеры быстро представляются, потом большей частью утыкаются обратно в гаджеты. Джорджи забила в угол и говорит по телефону, закрывая пальцем ухо, чтобы ей не мешал шум нашего собрания.

Пенелопа делает знак сидящей от нее по правую руку девушке, украшенной золотым ожерельем в виде курсивной надписи «Элисон».

– Хочешь начать?

Элисон принимается оживленно рассказывать:

– Так, в общем, Крейг вчера ходил на свидание – вы ведь помните Крейга, да? Технар с тремя дипломами Лиги плюща, который пулей вылетел в прошлый раз, потому что бедная Аманда всего лишь закончила Дьюк?

Остальные матчмейкеры веско кивают. Элисон разворачивает лэптоп, чтобы показать фотографию Крейга. Азиатская внешность, около тридцати, закутан в лыжную парку на заснеженном склоне.

- Так получите: он назвал Эмили «потенциально интересной» и подумывает о том, чтобы увидеться с ней снова!

Кто-то из матчмейкеров издает радостные возгласы. Элисон сияет.

- Подожди, а почему это он только подумывает о том, чтобы снова с ней увидеться? Эмили потрясающая, - подает голос одна девушка.

По-моему, ее зовут Зои. У нее леденцового цвета длинный боб и густые четкие брови, как будто ей пересадили голову прямиком из Пинтерест.

- Крейг сверхлогичен, - вздыхает Элисон. - Говорит, ему нужно еще несколько дней на обдумывание, совместимы ли они. Он опасается, что Эмили слишком далеко живет для успешных отношений.

Зои морщит нос и прекращает накручивать на палец волосы.

- Они разве не оба в центре живут?

- Да, но он в Трайбеке, а она в Ист-Виллидж, и прямого метро между ними нет.

- Идиотизм какой-то.

- Знаю! Особенно учитывая, что он ей понравился. Она тащится от его интеллекта.

- Элисон, попробуй и дальше убедить его снова повидаться с Эмили, - говорит Пенелопа. - Крейг сложный. У него щелкнет далеко не с каждой девушкой, и не стоит все портить с Эмили, если он ей понравился. А пока - есть ли у тебя соображения по поводу следующей пары для него?

Элисон стонет и утыкается лицом в ладони.

- Ооох. Я послала кучу сообщений на сайт знакомств Лиги плюща, но никто не клюнул. Я ездила в Колумбийский, вдруг Крейгу понравится кто-то из выпускниц, но он такой упертый. Хочу сегодня вечером заглянуть в Гарвардский клуб, но не думаю, что будет время до шести, когда у меня коктейль с новым

клиентом, Ричардом.

– Дамы, ваши идеи? – спрашивает Пенелопа.

Матчмейкеры приходят в движение, пальцы летают над клавиатурами. Одна называет пятизначный ID-код, добавляя: «Она хирург, училась в Стэнфорде». Элисон заносит код в компьютер, выводит фото и информацию и качает головой:

– Для Крейга старовата.

Одна девушка указывает на другую, несколько раз щелкает пальцами, пытаюсь вспомнить, как звали «психотерапевта, которая ходила с тем парнем из стартапа в караоке-бар в Бруклине, когда шел дождь». Еще одна как-то понимает, о ком та говорит, и качает головой, объясняя, что психотерапевт уже с кем-то встречается. Еще одна матчмейкер барабанит пальцами по столу и предлагает свою клиентку, которую Элисон мягко отвергает как недостаточно умную для Крейга. Повисает тишина, и Пенелопа укоряет группу:

– Большинство ваших клиентов учились в университетах Лиги плюща. Некоторые из вас учились в этих университетах. Для Крейга явно кто-то есть. Думайте!

Еще один всплеск активности: матчмейкеры рекомендуют сестер из университетских обществ, друзей друзей, бывших клиенток, которые опять могут быть свободны. Меня осеняет.

– Возможно, я знаю человека.

Все смотрят на меня.

– Старшая сестра моей соседки Кэролайн – Грейс, она может подойти. Училась в Брауне, работает на некоммерческую организацию. Ей двадцать шесть, если это не слишком мало для Крейга. Но она в городе недавно, она умница и хочет знакомиться с людьми.

– Хорошенькая? – спрашивает Элисон. – Крейг сноб в смысле внешности, хотя и называет себя сапиосексуалом – его привлекают только умные.

Похоже, она очень старается не закатывать глаза.

– Очень хорошенькая.

Я показываю ее Инстаграм, проматываю несколько невыигрышных замысловатых крупных планов и щелкаю по милому фото Грейс, снятому на празднике по случаю выпуска Кэролайн пару месяцев назад. Разворачиваю лэптоп, чтобы Элисон посмотрела. Грейс очень похожа на сестру, только черты мягче, и она в жизни не проколола бы нос, как Кэролайн.

– Хм. Может сработать. Она встречается с представителями других рас?

– Не знаю точно. То есть а почему нет-то?

– Многие не хотят. Две демографические группы, которые получают меньше всего сообщений на сайтах знакомств и в приложениях, это черные женщины и мужчины-азиаты. Это не играет Крейгу на руку.

Такое ощущение, что люди тут перестают быть людьми. Вместо этого они раскладываются по коробочкам: возраст, раса, район, рост, хорош собой или нет, где учились, сколько зарабатывают. Я говорю Элисон, что для Грейс раса не имеет значения.

– А ее не оттолкнет такой, как Крейг? – встревоженно спрашивает Элисон. – Он странный. Упрямый, слишком рациональный, стесняется немного.

– Она ни с кем не ходила на свидание уже очень давно. Думаю, он может ей понравиться.

Я, в общем, не ответила на вопрос, но, наверное, лучше промолчать. Я потом упрощу Грейс пойти. Если надо будет подкупить ее бутылкой вина, подкуплю. Мне нужно понравиться Элисон и остальным матчмейкерам. Элисон просит меня скинуть ей контакты Грейс, и я невольно улыбаюсь.

Остаток совещания проходит очень быстро. Меня поражает, сколько матчмейкеры знают о людях из базы:

Алекс не может встречаться с Кейти из-за аллергии на кошек, а у нее их две.

Полли не покажется привлекательной Джулиану, потому что он западает только на латиноамериканок и азиаток.

Марлу не стоит знакомить с Нормом, потому что он слишком похож на ее жуткого бывшего мужа.

Харрис для Тома недостаточно успешен, если только не получит повышение, на которое намекал в прошлый раз, когда Зои с ним говорила.

Ванесса, может, и встретила бы с Чарли, но она стала куда разборчивее с тех пор, как попала в тридцатку «Форбса» моложе тридцати.

Ник попадает в черный список после очень грубого, откровенно сексуального голосового сообщения, которое он оставил Пенелопе.

Матчмейкеры выдают подряд длинные перечни имен, помнят наизусть десятки номеров и мелкие бесценные подробности о жизни сотен незнакомцев. А когда кажется, что варианты в базе исчерпаны, они не сдаются. Выкрикивают имена тех, с кем встретились на званом обеде, или музыкальном фестивале, или показе независимого фильма. Тех, с кем когда-то крутили курортный роман их друзья и кто сейчас опять свободен. Тех, кто на прошлой неделе подписался на них в Твиттере и может оказаться симпатичным в реальной жизни. Мой круг общения вдруг кажется таким маленьким.

Когда подходит моя очередь рассказывать, я излагаю, как пообедала с Минди, попила кофе с Марком и порылась в Тиндере.

– Посмотри Сэма в нашей базе данных, – предлагает Пенелопа.

Джорджи так быстро поворачивает голову, что я удивляюсь, как это ее тонкая шейка не переломилась:

– Сэма Нолана?

– Сэма Вайнштейна.

– Пенелооооопа, – ноет Джорджи, ее нижняя губа выпячивается, а позвоночник изгибается и проседает. – Ты же знаешь, я его для себя присмотрела.

Я перевожу глаза с одной девушки на другую. Пенелопа сидит во главе стола очень прямо, поджав губы.

– Он недоступен. Он в нашей базе, – твердо произносит она.

– Да ладно, – возражает Джорджи. – Ты же знаешь, я от него без ума.

– Джорджи, я сказала, нет. Ты знакома с правилами.

Джорджи бросает на Пенелопу яростный взгляд.

– Хорошо.

Опустив голову, я набираю имя Сэма в поисковой строке, стараясь как можно тише щелкать клавишами, чтобы не тревожить собрание. В профиле пометка, что последний месяц он встречается с кем-то по имени Кэрри.

– Мы профессионалы, – продолжает Пенелопа, – и не смешиваем дело и удовольствие.

Джорджи, все еще пышущая яростью, сидит, скрестив руки на груди.

– Ну, есть один парень, который кажется почти идеальным для Минди, – произношу я, в отчаянии пытаюсь рассеять напряжение. – Адам. Тридцать три. Редактор в Esquire, фотографируется с бабушкой, и есть в нем какой-то южный сексуальный шарм. Но я ему еще не сказала, что я матчмейкер.

– Скажи сейчас же! – говорит Джорджи.

Ее ярость будто улетучилась. Она впервые включает для меня свою улыбку мощностью в мегаватт и тянется ко мне через стол.

– Давай сюда телефон.

Я открываю Тиндер и задерживаюсь на секунду, чтобы прочесть последнее сообщение от Адама. Желудок завязывается в узел, но я все равно отдаю мобильник Джорджи. Она смотрит в него, без колебаний печатает сообщение и подталкивает телефон ко мне, чтобы я одобрила.

Адам, ты прелесть. Я так рада, что мы познакомились. Но, боюсь, у меня есть секрет: я не свободна. И я не изменяю своему парню. Я матчмейкер, работаю в службе знакомств и надеюсь, что ты станешь идеальной парой для одной из моих клиенток. Она красивая, жизнерадостная, остроумная, и я знаю, что ей до смерти хочется познакомиться с таким джентльменом. Может, как-нибудь встретимся и выпьем? Я бы с удовольствием рассказала тебе больше...

Целую, Саша.

Я бы так в жизни не написала – ни за что, но Джорджи, наверное, знает, что делает. Я немного задумываюсь над слишком интимным «Целую, Саша», но все-таки нажимаю «отправить». Сердце колотится. Что, если сообщение настолько неадекватное, что он не ответит? Надо полагать, есть и другая рыба в море, но эта меня чем-то зацепила. Я не знаю, чем именно, просто чутье подсказывает, что он для Минди – самое то. Может, моя новорожденная интуиция матчмейкера так мощно о себе заявила.

Когда десять минут спустя собрание заканчивается, матчмейкеры расходятся: кто-то направляется в кабинет, чтобы расслабиться, остальные вылетают за дверь и разбегаются по встречам. Я отодвигаю стул, беру лэптоп и сумочку. Я понимаю, беспокоиться из-за того, что мне предстоит присоединиться к матчмейкерам в другой комнате, глупо, но бабочки все равно запорхали. Все девушки такие умелые и опытные – я даже не знаю, как начать беседу. Хотя Элизабет и была приветлива, это вовсе не значит, что так будет со всеми.

И тут загорается экран телефона – в Тиндер пришло сообщение от Адама.

Прости, но меня заинтересовала ты, а не твоя «клиентка». Не думаю, что из этого что-то получится.

Глава 6

Вот что я хотела бы знать до того, как Джонатан устроился на работу: если встречаешься с парнем, занятым в финансах, привыкай, что ты отойдешь на второй план. Я сейчас на заднем плане бо́льшую часть времени. Нет, никто не хочет от тебя отделаться – просто карьера прежде всего, а все остальное... ну, в самом конце списка. Но я простояла у «Руши», индийского ресторана возле офиса Джонатана, уже почти полчаса, и у меня начала побаливать шея от того, что я все время таращилась в телефон, чтобы скоротать время. Мне скучно, я злюсь. Джонатан должен был перекусить со мной, а потом убежать обратно заканчивать работу. Телефон выбрирует. Джонатан звонит, только если новости плохие.

– Привет, – шепчет он. – Прости, я опаздываю. Я помню, я обещал, что постараюсь исправиться.

Я выдыхаю достаточно резко, чтобы он понял, что я не в восторге.

– Нет, все в порядке.

– Мне правда неловко, что заставил тебя сюда тащиться, но Митч в последнюю минуту подкинул пожарную тревогу, и я сейчас не выберусь.

К этому я привыкла уже давно. «Пожарная тревога» – это когда босс дает молодому сотруднику срочное задание и смотрит, насколько быстро тот справится. Джонатан не виноват, но он уже второй раз за месяц отменяет все в последнюю минуту. Он не был таким, когда мы познакомились. Работа все изменила.

– Знаешь, я уже у ресторана. Ты не можешь уйти из офиса на полчаса? Надо же тебе есть.

Я прошу. Хотя ненавижу просить. Как нищенка. На другом конце повисает пауза.

– Прости, зай. Сегодня не получится. – По крайней мере он отшивает меня ласковым голосом. – Надо идти.

Он отключается. Говенный день: Марк меня расстроил, Адам расстроил, а теперь – заполним весь пьедестал – меня расстраивает еще и Джонатан. От мужиков одни неприятности.

Цены в «Руши» непомерные, так что я, хоть и думала, что убить готова за курицу тикка масала, перехожу дорогу и покупаю кусок пиццы за доллар. Продавец протягивает мне бумажную тарелку, и я сажусь за низкий серый столик под резким флуоресцентным светильником. Из колонок орет попса конца 2000-х. Я открываю Тиндер, просматриваю двадцать пять профилей, смахиваю вправо пять и совпадаю с тремя. Копирую одно и то же сообщение всем, предусмотрительно вставив имена, чтобы звучало более лично и каждый почувствовал себя особенным – этому я научилась на сегодняшнем собрании.

Привет, Джейсон! Я понимаю, это может прозвучать необычно, но вообще-то я в Тиндере не ради себя. Я работаю матчмейкером в службе знакомств «Блаженство» и думаю, что ты можешь стать потрясающей парой для одной из моих клиенток. Хочешь узнать больше? С радостью пообщаюсь.

Я рассылаю тонны сообщений, но моя личка удручающе пуста. Я проверяю еще разок, просто чтобы удостовериться; от Адама больше ничего.

Мне становится интересно, смогу ли я найти его за пределами Тиндера, и это оказывается на удивление легко. Для поиска потенциальных пар в «Блаженстве» можно использовать тот же навык, что я выработала, когда была репортером-новичком в NYU Local. Я гуглю и нахожу его страницу на сайте – Адам Рубин (Рубин! То есть он таки еврей). Пишет о музыке: рецензии на альбомы, новости индустрии, интервью с рок-группами и реперами, которых я даже слушала. Я прочитываю несколько его материалов. Потом вбиваю его имя в Инстаграм и проматываю его профиль. Самая свежая фотка – напиток со льдом в полутьме – запощена двадцать минут назад. Мужики понятия не имеют, как нормально отредактировать фотографию. Фильтры насыщенности и яркости, але.

Подпись: «Всегдашний водопой не подводит». Я открываю геотег: бар на Западной Пятьдесят пятой.

Я возвращаюсь к фотографиям. Приходится признать: он просто огонь. Я на него запала – запала по работе, совершенно конструктивно, я хочу получить пару для клиентки. Ну подайте на меня в суд. Джорджи постоянно ходит на встречи лично. Может, и мне можно.

Пока решимость не угасла, я заглатываю остаток пиццы, бросаю тарелку в мусорку и бегу к метро, огибая служащих, выходящих из офисов. «Ты сможешь, ты сможешь, ты сможешь, – повторяю я на каждом шагу. – Это теперь твоя работа, это твоя работа, работа». Я запрыгиваю в поезд на юг. Я понимаю, что Адам мог уже уйти из бара или это старая фотография, которую он просто только что запостил. Это не серия «Закона и порядка», где плохие парни всегда именно в том пабе, куда случайно зашли полицейские. Нью-Йорк большой, Адам может быть где угодно. Я не хочу просидеть весь вечер одна в пиццерии. Я хочу быть смелой, как настоящий матчмейкер. У меня нет никакого плана на случай встречи с Адамом; я просто знаю, что должна его завоевать ради Минди. Выйдя из метро и добравшись до бара, я делаю глубокий вдох и толкаю дверь.

Внутри темнее, чем я ожидала, и на то, чтобы привыкли глаза, уходит пара секунд. В баре кругом полированное дерево, старомодная черно-белая плитка и обои с завитушками. Выглядит как заведение, где коктейли на восемьдесят процентов с ликером из цветов бузины и стоят минимум пятнадцать долларов. Если забыть о претенциозности, тут уютно, все посетители как будто просто заскочили к хипповому приятелю выпить после работы.

Я делаю несколько нерешительных шагов, осматривая людей у барной стойки. Вот мужик с идиотскими усами скобкой читает электронную книгу, две женщины в топах с открытыми плечами чокаются бокалами вина, стайка из четырех чуваков, которые, наверное, работают в маркетинге – на всех одинаковые голубые рубашки с пятнами от пота под мышками. Все табуреты заняты, и, насколько я вижу, Адама тут нет. Он, может, сидит где-то в глубине, но я слишком стесняюсь, чтобы разнюхивать. Адам не хочет, чтобы его беспокоили. Не хочет, чтобы за ним следили – ладно, преследовали – с помощью соцсетей. Что я творю?

Я выхожу из бара. Прислоняюсь к стене, чувствую себя идиоткой. Я правда думала, что смогу этим заниматься: быть смелой, потрясающей и флиртовать. А

вместо этого я бегаю за мужиком, с которым обменялась тремя сообщениями ради смутного шанса, что он захочет встретиться с Минди. Но я недостаточно смелая, чтобы и дальше гоняться за Адамом. Я хочу домой. Отсюда всего полквартала до метро. Я бреду к станции, но останавливаюсь на первой ступеньке лестницы, ведущей на платформу.

Я добиралась сюда не за тем, чтобы развернуться и пойти домой. Я уже здесь, и даже если ощущаю себя неловкой дурочкой, я еще хуже буду себя чувствовать, если поеду домой, даже не попытавшись по-настоящему найти Адама. Я разворачиваюсь и иду в обратную сторону. Выпрямляюсь во весь рост, делаю глубокий вдох и снова вхожу внутрь. Я должна это сделать.

Прохожу вдоль бара. Тот же мужик с книгой, женщины с вином, парни из маркетинга. Адама нет. Бармен, худой чувак в тесном жилете, встречается со мной взглядом.

– Предложить вам что-нибудь? – спрашивает он, протягивая коктейльное меню.

Я улыбаюсь и качаю головой:

– Может быть, позже.

Я иду в глубь зала, где столики размещаются у розовой кирпичной стены. И вот он, Адам: один за столом на двоих, держит в руке стакан, в котором, похоже, виски, и смотрит в ноутбук в черном молескиновом чехле. По крайней мере, мне кажется, что это Адам. У него темные кудри, оливковый загар и двухдневная щетина. Я вытаскиваю из сумочки телефон, открываю профиль в Тиндере и быстро просматриваю фотографии, чтобы подтвердить его личность. Точно он.

Я никогда в жизни не заговаривала сама с мужчиной. То есть вообще никогда. Я ломаю голову над первой фразой, но ничего не придумывается. Знаю, была бы тут Кэролайн, она бы сказала, что никакая вступительная фраза не нужна, потому что я огонь (по ее словам) и парни со мной будут говорить, несмотря ни на что. Я ей вообще-то не верю, но сейчас мне бы не помешал совет. Я делаю пять быстрых шажков в сторону Адама и машу:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сайт электронных объявлений, популярный у американских пользователей Интернета.

2

Белые англосаксонские протестанты – термин, обозначающий привилегированное происхождение.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/orensteyn_hanna/igra-s-ognem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)